

№ 1748

1

№ 1748

384

П.И. БАБКИНЪ

О НЕПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ.

По поводу драмы

«ВЛАСТЬ ТЬМЫ».

Льва Толстого.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1896.

ФОТОТИПІЯ



ТИПОГРАФІЯ

Ф. Искандеръ

П. И. Бабкинъ.

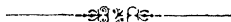
О НЕПРОТИВЛЕНІИ ЗЛУ.



ПО ПОВОДУ ДРАМЫ

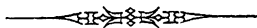
„ВЛАСТЬ ТЬМЫ“

Льва Толстаго.



Заблужденіе удѣлъ всѣхъ смертныхъ.

Ксенофанъ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія П. И. Бабкина, М. Морская, № 20.

1896.

Дозволено цензурою. Спб. 9 октября 1895 г.



1.

Въ жизни современнаго общества, на ряду съ добрыми явленіями, совершается столько лжи и преступленій, что разобратъся въ этомъ хаосѣ съумѣетъ только будущій историкъ XIX вѣка, который спокойно и безпристрастно обсудитъ явленія нашей общественной жизни и, можетъ быть, найдетъ въ нихъ какой нибудь порядокъ и смыслъ. Современные бытописатели не въ состояніи извлечь правильный выводъ изъ всего переживаемаго нами, такъ какъ и сами они съ головой покрыты этою мутной волной несообразностей и противорѣчій. Они даютъ только массу матеріала, годнаго для изученія явленій общественной жизни, и съ полнымъ сознаніемъ свидѣтельствуютъ передъ потомствомъ о собственной неудовлетворенности жизни, о скудости міросозерцанія и о ненормальности социальныхъ условій.

Порокъ, чловѣконенавистничество и отсутствіе идеаловъ, вотъ признаки нашего времени.

Вѣра, основанная на божественной проповѣди Христа и сама по себѣ представляющая идеаль недостижимаго совершенства, вѣра — такъ долго удовлетворявшая стремленіямъ челоѣчества къ истинѣ — доведена въ настоящее время до предѣловъ полнѣйшаго искаженія. Съ одной стороны явились попытки установить въ религіи нѣчто болѣе истинное и совершенное, чѣмъ христіанство, и самая проповѣдь Христа подверглась кривотолкамъ; а съ другой — практикуется наглое примѣненіе религіи къ цѣлямъ низменнымъ, матеріальнымъ. Результатомъ этаго искаженія вѣры явилось мучительное несоотвѣтствіе истинъ Христова ученія съ правилами жизни современнаго общества, полной зла и заблужденій. Къ стыду нашего вѣка, зараза эта, какъ вредная роса ночная, нисходитъ изъ сферъ привилегированнаго общества и разъѣдаетъ всѣ добрыя свойства русскаго народа. Впрочемъ, это разъѣданіе не гибельно въ полномъ значеніи слова, ибо жизненность народа, въ подобныхъ случаяхъ, всегда приводитъ его къ самобытному протесту, въ которомъ онъ и почерпаетъ свое нравственное обновленіе и силу, — но, все-же, оно на долго тормозитъ его умственное развитіе. Мудрость народа, которому не чужда способность къ философіи, какъ и образованному классу общества, всегда выражается въ практическомъ примѣненіи умствен-

ныхъ выводовъ къ потребностямъ дѣйствительной жизни. Вотъ почему умы, блуждающіе въ поискахъ за истиной, не могутъ увлечь народныя массы такими философскими или религіозными ученіями, которыя не имѣютъ задатковъ жизненности. Съ другой стороны, нельзя никакими мѣрами заглушить въ народѣ такую животворную идею, которая проникла въ сознаніе его подъ вліяніемъ истинныхъ потребностей существованія. Въ этихъ свойствахъ народнаго духа коренится залогъ разумаго и благотворнаго развитія государства. Всѣ великіе руководители народовъ потому и заслужили благодарную память, что въ своихъ стремленіяхъ придерживались сознанія насущныхъ потребностей человѣчества, а не полета фантазіи, которая всегда приводила, даже и міровыхъ дѣятелей, къ роковой и преждевременной гибели. Всѣ истинные благодѣтели человѣчества разумно опирались на сочувствіе народныхъ массъ, изъ наблюденій надъ жизнью которыхъ они почерпали свои знанія и, переработавъ этотъ сырой матеріалъ въ тайникахъ великой души своей, возвращали сторицею народу, позаниствованное у него же. Только этимъ путемъ человечество приближается къ міровымъ идеаламъ.

II.

Кто хочет учить народъ, тотъ долженъ изучать его.

Въ этомъ простомъ условіи заключается тайна избѣгать заблужденій. Но вправѣ-ли заблуждаться тѣ, которые берутъ на себя роль просвѣтителей и руководителей народа? Конечно, нѣтъ. Что-же дѣлать, если они, по свойству присущему человѣческой натурѣ, не могутъ не заблуждаться. Они должны провѣрять свои дѣйствія и сознательно не проповѣдывать лжи. Только истинныя знанія приносятъ пользу народу, все-же остальное, фантастическій-ли бредъ или чертовщина, на которую теперь большой спросъ, — не должно быть средствомъ воздѣйствія на народный умъ и чувства, шаткость которыхъ можетъ породить въ сферѣ народа опасныя для всѣхъ заблужденія. Между тѣмъ, современные мудрецы такъ перемѣшали понятія, что религію основываютъ на фактахъ, а въ области чистаго знанія придерживаются чудеснаго. Не имѣя силъ доказать своихъ ложно-научныхъ положеній, они прибѣгаютъ къ самымъ нелѣпымъ и фантастическимъ объясненіямъ. Такимъ образомъ, и въ сознаніе довѣрчивыхъ массъ вносится полное смѣшеніе понятій и на долго тормозится умственное развитіе народа.

Къ сожалѣнію, на этой ложной почвѣ стоятъ не одни только легкомысленные люди и любители мутной воды, но также и нѣкоторые видные дѣятели въ сферѣ современной науки и искусства. Еще къ большому сожалѣнію, упомянутые дѣятели совершенно искренно увлекаются своими заблужденіями и этою самою искренностью, безъ труда, подчиняютъ своему вліянію легкомысліе и невѣжество. По этой-же причинѣ темныя массы народныя принимаютъ за истину то, что въ сущности или наглая ложь, или печальное заблужденіе.

Невѣжество народа, шаткость убѣжденій интеллигенціи и наглость нѣкоторыхъ руководителей общественнаго мнѣнія — все это вноситъ въ душу мало-мальски не испорченнаго человѣка, а въ особенности юношества, мучительный разладъ и отчаяніе. Въмѣсто правильнаго и стройнаго теченія общественной жизни, происходитъ какое-то публичное поруганіе человѣческаго достоинства. Необузданный гамъ и сквернословіе безпрепятственно раздаются отовсюду. Любостяжатели и нахалы навязчиво сбываютъ обществу свои гнилыя мысли за непреложную истину. Тысячи продажныхъ голосовъ стараются, въ ожиданіи подачки, перекричать другъ друга, публично торгуя и совѣстью и правдой. Оглушенная этимъ базарнымъ шумомъ толпа забываетъ, что истина всегда и для всѣхъ

едина; она безтолково мечется отъ одного христо-продавца къ другому и, обнадѣженная искренностью возгласовъ, спѣшитъ нахватать предлагаемой ей гнили, которую и разноситъ во всѣ грады и веси обширнаго отечества, выдавая прибрѣтенную ложь за непреложную истину. Напитавшись гнилью и почувствовавъ, затѣмъ, муки отравы, эта жалкая толпа отвергаетъ потомъ уже всякую умственную пищу и вновь блуждаетъ въ поискахъ за истиной и, вновь обманутая, проклиная и вѣру, и знаніе и свое собственное существованіе.

Чѣмъ-же предохранить общество отъ мучительной отравы заблужденій? Какъ спасти его отъ тоски и отчаянія?

Неужели передовые умы современной науки и искусства, которые такъ глубоко и вѣрно изображаютъ природу вещей и человѣческаго духа, которые такъ беззавѣтно отдаютъ себя на служеніе истинѣ, — неужели они не могутъ облегчить страданій общества и предостеречь его отъ заблужденій? Увы! Эти передовые современные умы или сами заблуждаются, еще болѣе усиливая хаосъ, или же слишкомъ субъективно относятся къ своей задачѣ, забывая, что наше я самый ближайшій источникъ лжи и самообмана.

Гдѣ-же истина?

Истина въ познаніи вселенной и человѣчества.

Вселенная познается въ законахъ природы, а человечество—въ жизни массъ, въ жизни отдѣльнаго народа. Только изучая природу и людей можно быть увѣреннымъ, что не заблуждаешься и самъ.

III.

Для того, чтобы познать истину, необходимо изучить всю вселенную и все человечество, во всемъ ихъ необъятномъ величїи, во всемъ ихъ неуловимомъ взаимно-отношенїи, во всѣхъ безконечно разнообразныхъ проявленїяхъ... Возможно-ли это?

Нѣтъ. Вотъ почему истина для людей не доступна. Мы познаемъ только факты, эти путеводные признаки къ истинѣ, по которымъ, однако, мы тщетно стараемся опредѣлить ея божественный образъ.

Жалкій умъ человѣческій не въ состоянїи постигнуть той величественной картины, рамками которой служить безконечность, содержанїемъ—не постижимая тайна, а творцомъ—вѣчность. Но человечество, не смотря на это, всегда стремилось приблизиться къ истинѣ: въ этомъ задача его существованїя. И вотъ, ради стремленїя во что-бы то ни стало обладать истиной, родъ людской вѣчно блуждаетъ во мракѣ. Въ теченїе многихъ вѣковъ, гениальнѣйшіе умы всѣхъ временъ и народовъ предлагали жаждущему истины человечеству какіе-то измѣн-

чивые призраки, вмѣсто дѣйствительной истины, призраки разлетавшіеся какъ дымъ при первомъ примѣненіи къ нимъ требованій жизни. Породившая эту ложь метафизика должна была уступить свое мѣсто наукѣ, которая путемъ опытовъ и обобщеній, путемъ познания природы приближаетъ человѣчество къ источнику истины несравненно вѣрнѣе, чѣмъ обманчивый путь метафизики. Это былъ бредъ, многіе вѣка тяготившій человѣчество. Знаніе отрезвило его и въ настоящее время все болѣе и болѣе пробуждаетъ людей и заставляетъ человѣчество жить сознательной жизнью. И такъ, для счастья нашего, необходимо распространеніе опытныхъ знаній. Но представляютъ-ли они вполне вѣрный путь къ достиженію истины?

Дѣло въ томъ, что всѣ знанія, которыя изъ вѣка въ вѣкъ преумножаются человѣчествомъ, все еще такъ ограничены и разрознены, что не даютъ никакой возможности изобразить даже самый ничтожный уголокъ той необъятной картины, которая вмѣщаетъ въ себѣ божественныя формы истины. При малѣйшей попыткѣ въ этомъ направленіи, получаютъ такія нелѣпости, что образъ истины еще безнадежнѣе затемняется. Человѣчество не въ силахъ совладать съ безчисленнымъ количествомъ фактовъ и, принимая ихъ за частицы цѣлаго, какъ отдѣльные камушки за часть обширной мозаики, не знаетъ какъ рас-

порядиться этимъ матеріаломъ. Изъ этого безконечнаго количества отдѣльныхъ частицъ слагается такое множество сочетаній, что всѣ попытки геніальныхъ умовъ, въ области отысканія истины, до сихъ поръ остаются великими заблужденіями. Слѣдовательно, и самая наука не избавляетъ человѣчество отъ невѣжества по отношенію къ истинѣ. Вліяніе науки на жизнь народовъ крайне ограничено, ибо жизнь человѣчества протекаетъ независимо отъ какихъ либо заранѣе предвзятыхъ научныхъ положеній, ихъ вліяніе благотворно только въ томъ отношеніи, что даетъ людямъ возможность, путемъ изученія природы, облегчать свое личное существованіе. Не смотря на свое мнимое владычество, человѣкъ навсегда останется вѣчнымъ рабомъ природы, отъ которой онъ получаетъ и бытіе и смерть. Вотъ почему онъ долженъ изучать и самого себя только по отношенію ко всей природѣ, съ которою онъ неразрывно связанъ, не воображая о томъ, что его жалкое существованіе есть нѣчто обособленное и не зависимое отъ окружающей природы. Онъ обязанъ внимательно изучать всѣ требованія своей владычицы, познавать ея законы и проявленія сущности ея во всѣхъ безконечныхъ сочетаніяхъ. Всѣ мы, для взаимной пользы, должны способствовать открытію общихъ законовъ жизни, которые могли-бы быть положены въ основу если не счастья, то, по

крайней мѣрѣ, хотъ какого-нибудь благополучія. Но такъ какъ всѣ не могутъ постигнуть смыслъ явленной жизни и дѣлать изъ нихъ выводы, то человечество въправѣ требовать этого отъ умовъ избранныхъ, которые выдѣляются изъ толпы своими исключительными способностями. Каждое поколѣніе имѣетъ своихъ руководителей. Вотъ отъ этихъ-то современныхъ мыслителей и художниковъ мы и въ правѣ ожидать бѣльшаго вниманія и бѣльшей чуткости къ разрѣшенію тѣхъ задачъ, которыя служатъ на пользу народнаго преуспѣянія. Всякое заблужденіе подобныхъ общественныхъ дѣятелей вносить тяжелую смуту въ народную жизнь и требуетъ слишкомъ много времени для уничтоженія того зла, которое ими порождается.

IV,

Самый выдающійся дѣятель въ нашей русской общественной жизни въ настоящее время, безспорно, графъ Л. Н. Толстой. Онъ одинъ только, среди современниковъ, съ удивительною настойчивостью и силою будить наше загнипнотизированное общество и заставляетъ его мыслить. Эта великая заслуга гениальнаго писателя еще недостаточно оцѣнена въ настоящее время. Разумѣется, сатира Щедрина также пробуждаетъ общество отъ спячки, но

сфера ея вліянія слишкомъ ограничена и она не понятна для многихъ. Грядущія поколѣнія потребуютъ къ твореніямъ знаменитаго сатирика обстоятельныхъ комментарій, — такъ темно и затаенно высказана въ нихъ правда; тогда какъ произведенія Льва Толстаго, по своей простотѣ и доступности пониманія всѣми и каждымъ, будутъ долго служить, можетъ быть и не одному русскому народу, важнымъ подспорьемъ въ духовномъ развитіи юныхъ поколѣній. Только Тургеневъ и Достоевскій могутъ поспорить въ этомъ отношеніи съ графомъ Л. Н. Толстымъ. Но Тургеневъ болѣе художникъ, чѣмъ мыслитель, — а творчество Достоевскаго далеко не исчерпываетъ того, что предлагаетъ намъ авторъ романа «Война и миръ». Впрочемъ, въ возрѣніяхъ этихъ двухъ писателей замѣчается иногда поразительное сходство. Но и на солнцѣ есть пятна — ахъ, и какія еще пятна! Во всѣхъ произведеніяхъ графа Л. Н. Толстаго, до «Анны Карениной» включительно, поражаетъ читателя, прежде всего, та правда, съ которою авторъ передаетъ не только дѣйствія, но даже и помыслы своихъ героевъ. Эта правда такъ сильно чувствуется, такъ глубоко проникаетъ въ душу читателя, что невольно вызываетъ въ немъ признаніе и въ самомъ себѣ тѣхъ-же помысловъ и ощущеній, которыя изобразилъ художникъ — мыслитель въ характерахъ своихъ дѣйствующихъ лицъ.

Читая подобныя произведенія и знакомясь съ изображенными въ нихъ явленіями, невольно познаешь и самого себя. Часто съ изумленіемъ прислушиваешься къ внутреннему отголоску души своей, отражающему тотъ-же самый мотивъ, который такъ правдиво и художественно провелъ великій писатель въ своемъ произведеніи, и поражаешься тѣмъ, что мотивъ этотъ живетъ въ душѣ, но не былъ замѣченъ ранѣе знакомства съ твореніями великаго художника. Такимъ образомъ, творчество Льва Толстаго помогаетъ читателю познавать себя, изучать и провѣрять свои личныя свойства и, наконецъ, исправлять, совершенствовать себя. И какъ легко и просто! Писатель, который своимъ вліяніемъ совершенствуетъ людей—великій писатель. Вотъ въ этомъ-то и заключается заслуга Л. Н. Толстаго какъ художника и мыслителя.

Но уже въ романѣ «Война и миръ» мѣстами звучать фальшивыя ноты, однообразіе которыхъ утомительно дѣйствуетъ на читателя, не вызывая при этомъ никакого сочувствія къ нимъ. Это мистико-философскія разсужденія автора, довольно не удачно вложенныя въ уста нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ «Аннѣ Карениной» фальшь эта еще болѣе выразилась въ Левинѣ, который иногда перестаетъ производить на читателя впечатлѣніе живаго лица, а является сухою, олицетворенною въ

немъ, моралью, чуждою дѣйствительною правдивой жизни. Во время выхода въ свѣтъ этихъ двухъ капитальнѣйшихъ произведеній русской литературы, трудно было догадаться, чтобы упомянутая философская фальшь привела графа Л. Н. Толстаго къ учению «о непротивленіи злу».

«Исповѣдь» и «Въ чемъ моя вѣра» ошеломили всѣхъ, читавшихъ эти произведенія. Тѣ, которые шатались въ вѣрѣ, ухватились за мысли графа, какъ за божественное откровеніе; а другіе, любившіе Л. Н. Толстаго какъ художника, съ печалью встрѣтили этотъ крутой поворотъ въ творчествѣ генія и мысленно похоронили все то, чѣмъ былъ онъ такъ дорогъ въ прежнихъ своихъ безсмертныхъ произведеніяхъ. Но были еще и такіе, которые вѣрили въ возвратъ великаго художника на прежнюю стезю истиннаго творчества.

Дальнѣйшія произведенія Льва Толстаго, уже на поприщѣ народной литературы, еще болѣе озадачили общество. «Свѣчка», «Первый винокуръ», «Иванъ дуракъ» и прочіе рассказы для народа заставляли предполагать окончательное паденіе великаго таланта. Все образованное общество было крайне возбуждено и заговорило на всѣ лады о любимомъ писателѣ и о его заблужденіяхъ. Никому не хотѣлось вѣрить, что художественная звѣзда Л. Н. Толстаго померкла на вѣки. Создалась цѣлая литература

за и противъ идей писателя. Брань и похвалы одновременно и со всѣхъ сторонъ посыпались на даровитаго художника, котораго неспасли отъ оскорбленій даже и его капитальныя творенія. Но были и такіе, которые ни на минуту не покидали вѣры въ живучесть правды въ писателѣ и надѣялись, что эта правда не допуститъ погибнуть таланту, что она, даже вопреки его собственнаго сознанія, выведетъ заблудившагося въ философскихъ дебряхъ художника на старый, испытанный путь.

У.

Выше было упомянуто, что, только изучая народъ, можно убѣждаться не заблуждаешься-ли и самъ. Графъ Л. Н. Толстой постоянно изучалъ и до сихъ поръ изучаетъ народъ; слѣдовательно, онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, имѣетъ возможность провѣрять свои взгляды. Въ дѣйствительности оно такъ и вышло: въ настоящее время уже имѣются признаки того, что провѣрка эта началась, хотя, можетъ быть, и безъ всякаго желанія со стороны писателя *). Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Прекрасная сама по себѣ идея «о непротивленіи злу», которую всегда связываютъ съ именемъ графа Л. Н. Толстаго, давнымъ давно живетъ въ сознаніи русскаго народа, почерпнувшаго ее изъ того-же са-

*) Статья эта написана въ 1887 году.

мага источника, изъ котораго почерпнулъ ее и Л. Н. Толстой. Идея этаникогда не могла быть примѣнена народомъ къ его обыденной жизни, ибо она противорѣчитъ дѣйствительности, управляемой законами природы, поэтому она осталась понятіемъ отвлеченнымъ, которому народъ отвелъ мѣсто только въ религіи.

Зло и добро въ жизни человѣчества вѣчны, какъ и всѣ остальные разнородныя начала въ природѣ, ведущія нескончаемую борьбу, если только возможно называть борьбой проявленіе ихъ различной сущности, каковы: свѣтъ и тьма, жизнь и смерть и проч. Человѣкъ, хотя и называетъ себя разумнымъ существомъ, также не избавленъ отъ подчиненія общимъ законамъ природы и потому въ самомъ себѣ заключаетъ добро и зло. Въ самомъ дѣлѣ, по новѣйшимъ психо-фізіологическимъ изслѣдованіямъ, даже источники этихъ двухъ враждебныхъ началъ въ человѣческомъ организмѣ опредѣлены съ достаточной вѣроятностью, при чемъ доказано, что лѣвое мозговое полушаріе функціонируетъ добро, а правое—зло. Часто оба полушарія проявляютъ свои отправленія самостоятельно и совершенно произвольно, безъ малѣйшаго участія сознанія человѣка, который въ подобномъ состояніи можетъ натворить массу зла подъ вліяніемъ рефлексовъ правой стороны головнаго мозга. Онъ

будетъ творить это зло до тѣхъ поръ, пока лѣвое мозговое полушаріе, функционирующее добро, не вступитъ въ борьбу съ источникомъ зла. Слѣдовательно, въ самой природѣ человѣка коренится законъ міровой вражды добра со зломъ. Но что бы вышло, если-бы этотъ вѣчный законъ люди не исполняли? Во-первыхъ, подѣ влияніемъ одного только праваго мозгового полушарія человѣкъ обратился бы въ чудовище и самъ бы себя пожралъ; а во-вторыхъ, при условіи проявленія функцій только одного лѣваго полушарія, или источника добра, онъ дошелъ бы до абсолютнаго идіотизма, не допускающаго возможности существованія. Поэтому—жизнь есть борьба. Отвлеченными идеями нельзя устранить законовъ мірозданія. Графъ Л. Н. Толстой не могъ примѣнить практически, даже къ окружающимъ его, излюбленную имъ идею «о непротивленіи злу». Это безсиліе талантливаго писателя особенно рельефно выразилось въ томъ, что онъ прибѣгнулъ къ такимъ средствамъ воздѣйствія на народъ, какъ изданіе своихъ побасенокъ и сказочекъ, пропитанныхъ идеей «о непротивленіи злу», съ примѣсью самой пизменной чертовщины (Первый винокуръ). Даже, не смотря на эти одуряющія средства пропаганды, упомянутая идея не вошла въ сознаніе народа глубже того, чѣмъ она входила и ранѣе, со времени знакомства народа съ евангеліемъ. По-

верхностность, съ которою эта идея касается на роднаго сознанія, всѣмъ и каждому извѣстна; да и самимъ Львомъ Толстымъ превосходно иллюстрирована въ его послѣднемъ произведеніи «Власть тьмы». Такимъ образомъ, между самобытнымъ народнымъ воззрѣніемъ на идею «о непротивленіи злу» и философскимъ выводомъ Л. Н. Толстаго, существуетъ основное сходство: и тотъ и другой почерпнули свой взглядъ въ основахъ евангельской проповѣди. Но въ то время, когда народъ примкнулъ къ невозможности упразднить дѣйствительность и приурочилъ идею эту къ области религіи, — графъ Толстой усиливается ввести ее въ обиходъ человѣческой жизни, хотя бы цѣною уничтоженія одного изъ мозговыхъ полушарій. Какъ и всякій энтузіастъ онъ довелъ свое ученіе до предѣловъ утопіи и, ради его распространенія въ народѣ, прибѣгнулъ даже къ средствамъ грубымъ, не художественнымъ и чрезвычайно вреднымъ для успѣха совершенствованія народной жизни. Въ то время, когда народъ, подъ вліяніемъ образованія, мало по малу отчуждается отъ всего сверхестественнаго, отъ всякихъ чудесъ и чертовщины и становится на путь правды и знанія, — графъ Л. Н. Толстой талантливо изображаетъ чудеса и чертовщину, отвергая при этомъ, самымъ категорическимъ образомъ, пользу науки для народа. Этотъ непонятный

взглядъ на жизнь и образованіе народа низводить всѣ литературныя попытки знаменитаго писателя, по вопросу «о непротивленіи злу», на степень при-скорбнаго заблужденія.

Въ Россіи есть множество поборниковъ мрака и невѣжества, для которыхъ одичалый и безотвѣт-ный народъ весьма желателенъ, какъ средство для ихъ чужеяднаго роста; но видѣть на сторонѣ ихъ, хотя и не умышленно тамъ оказавшагося, великаго народнаго писателя и грустно и не понятно!.. Неужели самъ Л. Н. Толстой не сознаетъ, что только образованіе возвысило его на степень того великаго значенія, благодаря которому его художественныя произведенія сдѣлались насущною духовною пищею для современныхъ ему поколѣній. Не странно-ли, что тотъ-же самый писатель, который изобразилъ передъ нами людей и жизнь ихъ съ такою порази-тельной правдой и нравственно совершенствовалъ чуткихъ къ добру читателей, — вдругъ началъ сѣять въ народѣ возмутительную чертовщину?

Во всякомъ случаѣ это было не нормально!

VI.

Еще за долго до выхода въ свѣтъ послѣдняго произведенія графа Л. Н. Толстаго («Власть тьмы») ходили упорные слухи о томъ, что знамениый пи-

сатель готовить какое то большое произведеніе изъ народной жизни, и что всѣ его чудачества въ народѣ и выпускаемые имъ время отъ времени мелкіе рассказы для него есть не болѣе какъ подготовительная работа къ этой обширной поэмѣ изъ народной жизни. Признаться, хотѣлось вѣрить этимъ слухамъ; но съ другой стороны являлось сомнѣніе, что они справедливы, ибо ни къ чему не приложимая проповѣдь «о непротивленіи злу» все время не сходила съ устъ великаго художника. Наконецъ, слухи оправдались: появилась драма Льва Толстаго подъ названіемъ «Власть тьмы» или «кого-токъ увязъ всей птичкѣ пропасть». Это длинное заглавіе пьесы не давало настоящаго понятія о грандіозности произведенія; да и самъ авторъ, кажется, не придавалъ ему того глубокаго значенія, которое оно въ дѣйствительности имѣетъ. Жадность, съ которой публика набросилась на это новое твореніе любимаго писателя, доказывала, что ея вниманіе было сильно заинтересовано. Второе изданіе этой драмы исчезло изъ продажи скорѣе, чѣмъ это можно было предположить. Такой громадный спросъ на умственную пищу есть наглядный признакъ того, что обществу не чужда еще правда, которая въ такихъ поразительно живыхъ образахъ вылилась въ произведеніи Льва Толстаго. Истина—зеркало, въ которое, волей не волей, каждый засматриваетъ,

чтобы опредѣлить и исправить въ себѣ всѣ неряшества и недостатки, осуждаемые условіями общественной жизни. Иной эти неряшества, при помощи зеркала, довольно удачно маскируетъ и старается не быть, а казаться лишь опрятнымъ; а иной совершенно искренно спѣшитъ искоренить въ себѣ причины неряшества и стремится стать тѣмъ, чѣмъ долженъ быть всякій порядочный человѣкъ. Истина, какъ и зеркало, помогаетъ людямъ опредѣлять пункты этихъ недостатковъ и даетъ возможность прикрывать ихъ маской, или же уничтожать окончательно. Только обыкновенное зеркало отражаетъ физическіе недостатки, а истина—нравственные. «Власть тьмы» явилась зеркаломъ послѣдняго рода: оно отразило нравственное убожество современнаго общества, которое не могло не узнать себя въ этой леденящей крови драмъ, ибо весь интересъ его къ ней въ этомъ то именно и заключается.

Можетъ быть, и самъ авторъ не подозрѣвалъ до какой степени широко захватилъ онъ вопросъ о нравственности общества, изображая «власть тьмы» съ такимъ поражающимъ душу ужасомъ царящую въ средѣ невѣжественнаго русскаго народа. Ошибаются тѣ, которые предполагаютъ, что подь «властью тьмы» Левъ Толстой подразумѣвалъ фантастическую власть дьявола. Нѣтъ, онъ дѣйствительно изобра-

зилъ намъ «власть тьмы» реальную, всёмъ и каждому извѣстную, которая какъ черная туча облегла русскую народную жизнь, — туча, разсѣять которую еще долго не удастся лучамъ просвѣщенія.

Въ самомъ дѣлѣ, картина жизни народной, изображенная въ этомъ произведеніи Льва Толстаго, до такой степени ужасна и безотраднa, что является даже сомнѣніе въ ея дѣйствительности. Мы всё болѣе или менѣе знакомы съ народною жизнью и никогда не подозрѣвали ничего подобнаго... А тутъ, поди-косъ ты, одна «власть тьмы», а народъ какая то пассивная, вызывающая гадливое чувство масса!.. Эти Анисьи, Акулины, Матрены, эти матери русскаго народа — неужели они только «слякоть одна?» А Никита — развѣ это нормальный человѣкъ, нравственно развившійся на народной почвѣ? Далѣе. Акимъ — это святое ничтожество! Неужели этотъ чисто народный типъ юродиваго отходника представляетъ желаемый идеалъ человѣка? Неужели его мирозерцаніе можетъ принести душевный покой и земное счастье при подобной обстановкѣ народной жизни? Чувства Акима являются иа столько эгоистичными, что совершенно выдѣляютъ его изъ общаго строя жизни и ставятъ особнякомъ. Ну, а затѣмъ Митричъ—эта «моя хата съ краю, ничего не знаю!» Неужели всё эти люди, ихъ жизнь, дѣянія, взаимныя отношенія другъ къ другу и къ обще-

ству, — дѣйствительно люди живые, а не выдуманные авторомъ ради того, чтобы сочинить только пикантную драму для развлечения почтеннѣйшей публики.

Въ этомъ то и ужасъ, что всѣ изображенныя Львомъ Толстымъ лица дѣйствительно живые люди, всѣ ихъ дѣйствія — правдивое изображеніе народной жизни, положимъ, нѣсколько сплывшее, но въ полномъ смыслѣ безъискусственное. Мало того, всѣ дѣйствующія лица драмы вполне понятны каждому изъ насъ; а дѣянія ихъ какъ въ зеркалѣ отражаютъ дѣянія многихъ, изъ такъ называемыхъ лицъ образованнаго общества, давшего не мало примѣровъ злодѣйства и темныхъ дѣлъ. Однимъ словомъ, драма «Власть тьмы» есть продуктъ не только протонародной жизни, но также и жизни всего русскаго общества. Значеніе этого произведенія Льва Толстаго и размѣры его вліянія на современное общество могутъ быть уяснены только впоследствии, теперь же возможно лишь догадываться о томъ. Вѣрно одно только, что вліяніе драмы «Власть тьмы» на современное общество должно быть самое благотворное. «Власть тьмы» замѣчательна еще и въ томъ отношеніи, что возвращаетъ рускому народу великаго художника, чуткій геній котораго не могъ долго блуждать въ дебряхъ философіи. Левъ Толстой по старому явился передъ читателями во всемъ вели-

чіп правды и вліяніемъ своего освобожденнаго генія заставилъ насъ задуматься передъ изображенною имъ картиною народной жизни, хотя онъ не прибѣгалъ для этого ни къ тенденціи, ни къ чудесамъ, ни къ чертовщинѣ.

VII.

Что такое «Власть тьмы» въ изображеніи Льва Толстаго?

Она главный двигатель въ драмѣ, роковымъ образомъ подчиняющій себѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Тьма царствуетъ, а всѣ остальные творять ея непреклонную волю безъ всякаго протеста и сознанія. Вотъ почему всѣ участники драмы, не смотря на ихъ звѣрскія дѣянія, возбуждающія ужасъ и отвращеніе, не вызываютъ къ себѣ ненависти, а внушаютъ только чувство болѣзненнаго сожалѣнія.

«Власть тьмы»...

Какое удачное заглавіе! Оно опредѣляетъ всю суть драмы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не допускаетъ никакихъ другихъ поясненій; вотъ почему приставка «или коготокъ увязъ всей птичкѣ пропасть» только затемняетъ общій смыслъ и значеніе пьесы. Драма «Власть тьмы» представляетъ изображеніе не одной только жизни простонародья, жизни какъ бы обособленной отъ существованія всего остальнаго рус-

скаго общества, — жизни, послѣ знакомства съ которою, по пьесѣ Льва Толстаго, можно было-бы воскликнуть: «ахъ, какіе звѣри эти мужики!.. Вотъ мы совсѣмъ не таковы...» Почему-же мы не вправѣ воскликнуть такъ? А потому, что, прочитавъ «Власть тьмы» и вникнувъ въ смыслъ этой ужасной драмы, мы прежде всего испытываемъ горечь правды и отсутствіе какого нибудь озлобленія противъ дѣйствующихъ лицъ ея. Мы какъ-бы совершенно забываемъ о нихъ и мало по малу, съ чувствомъ тревоги и ужаса, начинаемъ ощущать окружающую насъ со всѣхъ сторонъ тяжелую непроглядную тьму. Она все ближе и ближе надвигается на читателя и, наконецъ, охвативъ его, давитъ умъ и чувство своею свинцовою тяжестью, давитъ до безсмыслія, до уничтоженія воли. Тогда всѣ дѣйствующія лица драмы отодвигаются на послѣдній планъ, сливаются въ нѣчто безформенное и затѣмъ исчезаютъ въ непроглядной тьмѣ. Вмѣсто Анисьи, Никиты, Акулины и Матрены, ярко выступаютъ на темномъ фонѣ народной жизни «знакомыя все лица», дѣятели текущей общественной жизни, той жизни, которая и насъ захватываетъ и вертитъ въ вихрѣ безумныхъ страстей. Мы сами вращаемся въ заколдованномъ кругу этихъ «знакомыхъ лицъ», можетъ быть, нашихъ бывшихъ друзей, родственниковъ, или просто «уважаемыхъ общественныхъ дѣятелей» и не имѣемъ

силѣ вырваться изъ этого круга. Часто мы не знаемъ лично этихъ «общественныхъ дѣятелей», но постоянно слышимъ о нихъ или же читаемъ о дѣяніяхъ ихъ въ услужливыхъ газетахъ, съ понятною злобностью разносящихъ по всему свѣту извѣстія о случаяхъ преступленій и насилія въ средѣ нашего «образованнаго и привилегированнаго общества». И вотъ, растерянно глядишь на эти живые образы правды и въ ужасѣ отшатываешься отъ неприглядной картины грабежа, убійствъ, разврата, низости, дѣторастлѣнія, продажности и тупоумія. Картина эта возстаетъ въ воображеніи противъ всякой воли и желанія: закрываешь глаза, а она въ яркихъ образахъ представляетъ все новыя и новыя лица. Все то, что когда-то и гдѣ-то случилось, или было рассказано, или прочитано въ газетахъ, прочитано даже вскользь, безъ достаточнаго вниманія къ ужасамъ и мотивамъ самаго преступленія, — все это вдругъ не стройной вереницей оживаетъ въ памяти, какъ стая встревоженныхъ гадовъ, и мучительнымъ образомъ отравляетъ и сердце и мозгъ. Вѣдь, все это было уже позабыто, какъ событія потерявшія новизну и свѣжесть текущаго дня; все это стало не интереснымъ. Когда-то оскорбленные этими злодѣйствами чувства давнымъ давно успокоились и, вдругъ, «Власть тьмы» прбудила всѣ уголки памяти и вызвала вновь эти ужасныя картины общественной

жизни, на которыя глядишь съ такою душевною болью, съ такою тоскою, что сердцу становится жутко. Мало того, эта гнетущая «тьма» оказывается часто и въ личной жизни читателя: въ его отношеніяхъ къ семьѣ, къ родителямъ, къ дѣтямъ, къ обществу, — ко всему, съ чѣмъ онъ имѣетъ внутреннюю связь и взаимныя соотношенія. «Тьма» эта проникаетъ иногда въ измученную душу, въ которой забирается въ такіе сокровенные уголки, что только внутреннее духовное око можетъ разглядѣть всю мерзость, гнѣздящуюся въ нихъ.

Тогда, объятый весь этой ужасной тьмой и мучимый безотрадною скорбью, впечатлительный читатель невольно спѣшитъ отбросить отъ себя «Власть тьмы» и болѣзненно вскрикиваетъ: «Фу-у! какъ тяжело! И что за безобразіе изображать подобную жизнь и подобныхъ людей!...» А вѣдь и то правда!

Каждому изъ насъ хотѣлось-бы прожить свой вѣкъ покойно, жизнерадостно, не подозрѣвая въ своемъ существованіи ничего дурнаго или преступнаго, — а тутъ какъ зеркало подносятъ тебѣ «Власть тьмы» и заставляютъ очнуться.

VIII.

Что-бы еще болѣе уяснить значеніе драмы Льва Толстаго, необходимо разсмотрѣть ее нѣсколько подробнѣе. Мы не намѣрены передавать содержаніе пьесы, всѣмъ и каждому извѣстное, но остановимся на образованіи характеровъ дѣйствующихъ лицъ драмы, по отношенію къ весьма интересному вопросу «о непротивленіи злу». Всѣхъ участниковъ драмы, по первому наглядному впечатлѣнію, можно подраздѣлить на три группы: преступники, попустители и жертвы. Но это только наглядно, въ сущности-же всѣ эти группы до такой степени тѣсно сливаются одна съ другой, что только съ нѣкоторыми натяжками можно указать на такое лицо, которое, будучи преступникомъ, не было-бы въ тоже время и жертвою, а также и на оборотъ. Тоже можно сказать и о попустительствѣ: оно всеобщее, обусловленное единственной причиной для всѣхъ и каждого — «властью тьмы». Но уже изъ этого нагляднаго раздѣленія дѣйствующихъ лицъ на категоріи видно, что во внутреннемъ содержаніи драмы коренятся два совершенно противоположныхъ начала: добро и зло. Какъ всегда и вездѣ въ мірѣ, начала эти не совмѣстимы и при малѣйшемъ столкновеніи, изъ-за интересовъ жизни, между ними вспыхиваетъ ожесточенная, роковая борьба. Про-

явленіе этой борьбы подобно проявленію искры при соприкосновеніи двухъ противоположныхъ концовъ наэлектризованной проволоки. Если можно такъ выразиться, борьба эта, какъ и электричество, есть явленіе физическое, подчиненное извѣстнымъ законамъ и наблюденіямъ. Предотвратить ее возможно лишь при условіи изолированія этихъ двухъ враждебныхъ началъ.

Электрическое разряженіе не всегда сопровождается взрывомъ: существуетъ еще, такъ называемое, беззвучное разряженіе. Тоже и въ данномъ случаѣ: борьба дѣйствующихъ лицъ драмы «Власть тьмы», борьба глухая, беззвучная, — это ея отличительный характеръ. Въ сущности, проявленіе страстей въ данномъ случаѣ нельзя даже назвать борьбою, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Это похоже на то, если-бы безумный человѣкъ въ непроглядной тьмѣ подкрался къ безмятежно спящему другому человѣку и ударилъ-бы его обухомъ топора по темени, — предсмертное содраганіе и безсознательный рефлексъ самозащиты — вотъ какова была-бы эта борьба. Развѣ можно назвать борьбой сидящаго на доскѣ обезумѣвшаго Никиту и протестующаго жалобнымъ пискомъ, подъ доской, новорожденнаго ребенка? Это скорѣе насиліе и насиліе одностороннее, результатомъ котораго является неизбежная гибель существа слабого или пассивнаго.

Слѣдовательно, такія лица, какъ Матрена, Анисья, Акулина и Никита, которыя нагляднымъ образомъ относятся къ категоріи преступниковъ, суть представители зла, развившагося на почвѣ животныхъ страстей и умственного мрака. Они должны были въ силу роковыхъ условій погубить тѣхъ, которые относительно ихъ оказались пассивными, или же беззащитными. При этомъ, всѣ дѣйствія преступниковъ вытекали не изъ выводовъ разума, а только изъ животныхъ побужденій, непреодолимо увлекавшихъ въ пучину зла всѣхъ соучастниковъ преступленій. Безсмысліе, съ которымъ Анисья, Акулина и Никита совершали преступленія, даетъ имъ право на полнѣйшее снисхожденіе, такъ какъ ни воспитаніе, ни среда, ни собственный жизненный опытъ не дали имъ того противовѣса, который сдерживалъ-бы ихъ роковыя страсти. Вотъ почему они являются въ нашихъ глазахъ не столько преступниками, сколько невольными жертвами той губительной тьмы, которая облегалъ ихъ и не давала возможности видѣть ужаснаго пути, манившего ихъ къ ложному благополучію.

Вторая категорія лицъ—попустители преступленій, самая характерная во образѣ Митрича и самая многочисленная во образѣ народа, достойна сугубаго вниманія.

Разсуждая строго, развѣ всѣ они не пособники

преступникамъ, своимъ безучастіемъ и пассивностью дававшіе полный просторъ ихъ злодѣяніямъ. Проявленіе этого безучастія, въ разсматриваемой группѣ лицъ, ко всѣмъ окружающимъ—и къ злодѣямъ и къ жертвамъ ихъ—замѣчательно въ томъ отношеніи, что напоминаетъ намъ идею автора «Власть тьмы» «о непротивленіи злу». Безспорно, авторъ имѣлъ въ виду эту идею и жизненно провелъ ее въ драмѣ для того, чтобы въ концѣ концовъ доставить ей полнѣйшее торжество: «не противтесъ злу—оно само себя уничтожить»... Идея прекрасная, но что-же выходитъ изъ нея въ дѣйствительности? Если разсматривать драму «Власть тьмы» какъ точное и правдивое изображеніе дѣйствительной жизни, въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія, то все, что въ ней развивалось и зрѣло во весь періодъ ея теченія и, наконецъ, выражалось въ злодѣйствахъ,—все это результатъ «непротивленія злу», которое такъ свободно и безпрепятственно допускало развиваться, на почвѣ животныхъ страстей и умственной тупости, злымъ побужденіямъ преступниковъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ было не развиваться злымъ побужденіямъ при томъ абсолютномъ «непротивленіи», какъ со стороны жертвъ, такъ и со стороны всего народа, которое имѣло мѣсто въ данномъ случаѣ? Какъ было не восторжествовать при подобныхъ условіяхъ злу надъ добромъ? По-

ложимъ, что безпочвенный Никита, измученный сознаниемъ гнусности своей личной жизни, проявилъ, наконецъ, проблескъ чувства искренняго раскаянія и этимъ доставилъ наглядное торжество идеѣ добра; но вѣдь этимъ актомъ личнаго успокоенія злодѣя, жертва его, удушенный ребенокъ, къ жизни не возвратилась, а слѣдовательно и совершенное имъ зло не уничтожилось. Всенародное покаянiе преступника успокоиваетъ только самаго кающагося, какъ-бы снимая съ души его бремя совершенныхъ имъ злодѣйствъ; оно, пожалуй, и народъ примиряетъ съ преступникомъ; но не даетъ права забыть то зло, которое было нанесено преступникомъ обществу рапѣе покаянiя. Кромѣ того, всякій искренно кающійся доказываетъ этимъ, что совершать злодѣйства не въ натурѣ его и что, благодаря только нѣкоторымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ и своей личной безхарактерности, онъ былъ невольно вовлеченъ въ преступленіе. Вотъ почему возможно и должно спасать подобныхъ людей, до паденiя ихъ, и предотвращать общественное бѣдствіе своевременнымъ «противленіемъ» злу. Никита могъ быть легко спасенъ, если-бы только онъ не былъ предоставленъ произволу судьбы. Вотъ относительно Матрены нельзя этого сказать: въ данное время она является уже совершенно созрѣвшимъ плодомъ той «тьмы», которую изобразилъ

намъ геніальный художникъ; у нея окончательно образовалось свое личное міровоззрѣніе и своя собственная логика.

Но было время, когда и Матрена могла быть спасена, это время ея относительной неиспорченности, когда она, какъ и Анятка, безсознательно и безпомощно металась въ страшномъ омутѣ народной жизни. Говоря яснѣе, если не всѣ, то многіе могли-бы быть спасены отъ «власти тьмы», когда въ безсознательную массу народа было-бы введено «противленіе злу» въ видѣ образованія и нравственнаго воспитанія юношества; если-бы самъ народъ не относился безучастно къ совершающимся въ средѣ его злодѣйствамъ; если-бы передовые умы не проповѣдывали «о непротивленіи злу», а дружно возстали-бы противъ него и сдержали-бы необузданные порывы зла. Тогда не имѣлось-бы причинъ для безпрепятственнаго развитія въ жизни народной такихъ ужасныхъ драмъ какъ «Власть тьмы». Въ ней всѣ являются жертвами тьмы.

Возможно-ли винить здѣсь хоть кого-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ драмы? У кого подымется рука, чтобы бросить камень въ народъ, въ средѣ котораго развивается и терпитъ такое феноменальное зло? Развѣ онъ виноватъ въ той тьмѣ, которая охватила всѣхъ насъ и царить надъ нами. Она-же окутала и народъ мракомъ невѣжества и лишила его сознательной жизни

Какъ-же избѣгнуть этихъ ужасныхъ условій? Необходимо бороться съ «властью тьмы», порождающей всевозможныя преступленія и питающей зло; слѣдовательно нужно бороться со зломъ, «непротивленіе» которому дѣлаетъ людей несчастными и доводитъ размѣры и силу зла между ними до чудовищности.

IX.

Благодаря геніальности автора драмы «Власть тьмы», такъ ярко сказалась вся правда жизни въ этомъ замѣчательномъ произведеніи. Правда эта, по нашему убѣжденію, въ самомъ корнѣ подрываетъ идею «о непротивленіи злу» и нагляднымъ образомъ доказываетъ ея непригодность въ обыденной жизни людей и положительный вредъ въ жизни невѣжественнаго народа. Эта идея не спасаетъ, а губитъ людей, при условіяхъ неразвитости народа, и дѣлаетъ ихъ нравственно немощными и неспособными къ осмысленной общественной жизни.

Съ точки зрѣнія личнаго существованія, идея «непротивленія злу» еще можетъ удовлетворить человѣка; но при этомъ она дѣлаетъ изъ него эгоиста и совершенно выдѣляетъ его изъ общаго строя жизни. Подобные люди напоминаютъ аскетовъ, отшельниковъ, добровольно бѣжавшихъ отъ

міра, ради личнаго успокоенія, и ставшихъ чуждыми обществу. Они безучастно глядятъ на все то зло, которое вокругъ ихъ творится, стараясь уйти отъ него подальше, въ дебри лѣсовъ, гдѣ, не тревожимые болѣе воплями злодѣйствующихъ и страдающихъ, они погружаются въ мирное прозябаніе. Съ теченіемъ времени этотъ образъ жизни приводитъ людей въ состояніе тупаго успокоенія; они лично удовлетворяются жизнью, становятся эгоистичными и безъ труда и борьбы желающими вліять на человѣчество: ихъ созерцанія не приносятъ никому никакой пользы. Такъ и послѣдователи идеи «о непротивленіи злу», превращая себя въ безучастныхъ зрителей преступленій и насилій надъ слабыми и невѣдающими, даютъ полный просторъ для развитія зла въ средѣ общества, и не противясь ему, служатъ и сами пищею для злодѣйства.

Въ драмѣ Льва Толстаго весьма рельефно выступаетъ на видъ самый процессъ развитія зла въ людяхъ подѣ вліяніемъ «непротивленія». Его можно прослѣдить начиная съ зародыша зла, какъ на примѣръ въ дѣвочкѣ Анюткѣ; въ постепенномъ развитіи его, какъ въ Акулинѣ, Никитѣ и Анисѣ и, наконецъ, въ чудовищно законченномъ видѣ, какъ въ бездушнѣйшей Матренѣ. Эти постепенные переходы людей изъ человѣчества въ состояніе хищныхъ животныхъ даютъ возможность прослѣдить за тѣми

причинами, которыя способствуютъ росту преступныхъ наклонностей въ упомянутыхъ лицахъ драмы. Остановимся прежде всего на Анюткѣ, на этомъ симпатичномъ ребенкѣ, который только что начинаетъ примѣчать въ окружающей его обстановкѣ весь ужасъ совершающихся безобразій. Въ охватившемъ ее вихрѣ чуждыхъ и непонятныхъ ей страстей, она безсильно и безотчетно кидается изъ одной стороны въ другую, не зная куда пристать и у кого ей искать спасенія.

Кровная связь Анютки съ матерью заставляетъ беспомощную дѣвочку тяготѣть къ Анисѣ, которой она служитъ съ видимой любовью, по мѣрѣ своихъ дѣтскихъ силъ. Она видитъ отношенія своей матери къ отцу, видитъ ея ненависть къ нему, видитъ ея расположеніе къ Никитѣ и, поощряемая Анисею, старается подсматривать, подслушивать, переносить разговоры, однимъ словомъ, старается услужить матери, чтобы прикрыть поступки ея и тѣмъ пріобрѣсти ея расположеніе, а вмѣстѣ съ этимъ и самой занять какое-нибудь мѣсто въ окружающей ее средѣ. По своему зависимому положенію несчастная дѣвочка не можетъ оставаться безучастною къ окружающимъ ее людямъ, не можетъ укрыться, бѣжать отъ нихъ, чтобы спасти свою дѣтскую душу: круговоротъ жизни увлекаетъ и ее въ безвыходное роковое вращеніе. Въ первое время Анютка только ста-

рается быть полезной Анисьѣ и Никитѣ, въ которыхъ она видитъ силу и значеніе; тогда какъ къ отцу она относится безучастно, не проявляя къ нему никакого чувства привязанности. Его болѣзнь, безсиліе и отчасти строгость, съ которою онъ относится ко всѣмъ окружающимъ, дѣлаетъ ее совершенно равнодушною къ положенію отца. Она даже не любитъ его той дѣтской любовью, которая такъ обыкновенна въ дѣтяхъ ея возраста, даже приближающаяся смерть отца нисколько не озабочиваетъ Анютку.

Мы позволимъ себѣ выписать эту характерную сцену:

Петръ. Поди ты, охъ, къ теткѣ Марфѣ, скажи, отецъ, молъ, зоветь, пришла чтобъ, нужно мнѣ.

Анютка. Ну что-жь.

Петръ. Постой! Скорѣе нужно, скажи. Скажи—помирать хочу. О-охъ...

Анютка. Только платокъ возьму, я сейчасъ.

Какъ видите, полная готовность исполнить приказаніе отца, но при этомъ поразительное равнодушіе къ словамъ его о близкой смерти, точно рѣчь идетъ о какомъ-нибудь домашнемъ пустякѣ. Положимъ, что уже самая обстановка жизни вырабатываетъ въ крестьянскихъ дѣтяхъ нѣкоторое ра-

внодушіе къ смерти близкихъ; но не въ такой сильной степени какъ въ данномъ случаѣ. Подобное отношеніе Анютки понятно только при томъ условіи, если-бы она не любила отца. И, дѣйствительно, она его не любила, не смотря на его доброту и нравственныя качества, она только разъ пожалѣла его, когда умирающій Петръ просилъ прощенія у Никиты. Тутъ уже невольно сжалось сердце ребенка: она знала что Никита кругомъ виноватъ передъ ея отцемъ, а тотъ, вдругъ останавливается и молить съ рыданіями о прощеніи. Подобная сцена разстрогала-бы не только Анютку, но даже и посторонняго человѣка. Но зло, окружавшее дѣвочку, было на столько властно, что и ее втягивало въ свой безвыходный омутъ.

Отецъ умеръ; мать вышла замужъ за Никиту, послѣдній связался съ Акулиной, гуляетъ съ ней, дѣлаетъ подарки; Анисья въ загонѣ у мужа, — все это видитъ несчастная дѣвочка. Она начинаетъ примиряться со зломъ и думаетъ, что все это такъ и должно быть. Не понимая всего ужаса обстановки, она съ удовольствіемъ любитъся подарками Никиты для няньки Акулины.

«И ситецъ-же нарядный! У матушки такой, только тотъ свѣтлѣе, по лазуревому полю. Эта страсть хороша».

Восхищается Анютка и, может быть, не безъ зависти даже.

Нарядныя тряпки начинаютъ и ее соблазнять своею пестротой. Но все еще не окончательно испорченная дѣвочка продолжаетъ любить свою мать.

«О-о-о! Матушка, милая родимая».

Плачетъ Анютка, когда пьяный Никита выталкиваетъ Анисью изъ хаты. Но какой страшный подрывъ этого, можетъ быть, уже единственного добраго чувства дѣтской любви къ матери должна была испытать несчастная дѣвочка въ то время, когда она, подслушавъ какъ у няньки ребеночекъ закричалъ, прибѣжала къ Анисѣ, а послѣдняя такъ безсердечно изругала и едва не прибила ее. Святое чувство любви къ матери должно было сильно пошатнуться въ ея дѣтскомъ сердцѣ, а затѣмъ рухнуть, не оставивъ никакого слѣда въ ея памяти. Въ это время она почувствовала весь ужасъ своего одиночества въ окружавшей ее «тѣмѣ». И дѣйствительно, ужасъ этотъ охватилъ ее и заглушилъ всѣ чувства, кромѣ чувства нравственнаго самосохраненія, когда она услышала, что въ погребѣ убиваютъ ребенка. Несчастной, безпомощной дѣвочкѣ стало ясно, что отъ насилій людскихъ нѣтъ спасенія въ этой жизни и она, ради спасенія только своей дѣтской души, пожелала смерти.

Анютка. Да хоть-бы и я померла (*хнычетъ*).

Митричъ. Помрешь—изъ счета вонъ.

Анютка. До десяти годовъ все младенецъ, душа къ Богу може еще поидеть, а то вѣдь изгадишься.

Какой ужасъ въ этихъ словахъ! Голосъ Митрича, какъ голосъ безысходной дѣйствительности, звучитъ въ отвѣтъ безпомощному воплю ребенка. Вообще, «варіантъ» гениально написанъ и вызываетъ такое подавляющее душу чувство, отъ сознанія жестокой, неумолимой правды, что едва и самъ не разрыдаешься вмѣстѣ съ гибнущей Анюткой. Сцены «варіанта» еще сильнѣе дѣйствуютъ, чѣмъ соотвѣтствующія имъ сцены 4-го дѣйствія: тамъ губятъ только одного безсмысленнаго ребенка, а тутъ вы присутствуете при гибели еще 10-лѣтней дѣвочки, которая уже сознаетъ, что ей нѣтъ спасенія въ жизни и что никто, никто не можетъ спасти ея отъ зла и тьмы, кромѣ смерти. Умереть, а то изгадишься... Сколько трагизма въ этомъ безвыходномъ для ребенка положеніи!

Такимъ образомъ, въ царствѣ тьмы и зла безпомощныя и невинныя дѣти шагъ за шагомъ подвигаются къ нравственной гибели, не имѣя силъ противодѣйствовать роковымъ условіямъ и теряя всякую вѣру въ помощь и состраданіе даже близкихъ людей. Изъ этого нѣжнаго и чистаго мате-

ріала [постепенно, съ неумолимою послѣдовательностью, формируются тѣ животно-грубыя существа, образецъ которыхъ представилъ намъ геніальный писатель въ лицѣ бездушнѣйшей Матрены. Всѣ мы отлично знаемъ, что это зло совершается дѣйствительно такъ, а не иначе и не хотимъ подать помощи несчастнымъ дѣтямъ; не хотимъ или боимся вступить въ борьбу съ окружающей ихъ адскою обстановкою и той общественною распущенностью, благодаря которой сплошь и рядомъ погибаютъ и наши интеллигентныя отрасли, часто подъ вліяніемъ тѣхъ-же мотивовъ, какъ и Анютка, кончающія свою жизнь самоубійствомъ.

Х.

Подъ давленіемъ вышеозначенныхъ условій, съ теченіемъ времени и невинная Анютка перейдетъ на ту же ступень нравственнаго паденія, (на которой мы застаемъ несчастную Акулину. Слова этой послѣдней, своей мачихѣ, сказанныя въ защиту отца: «знаю, чего ругаешь. Сама дура, песъ ты. Не боюсь я тебя». И потомъ: «Песъ ты, дьяволъ, вотъ ты кто. Дьяволъ, песъ, песъ, дьяволъ». — производятъ чрезвычайно тягостное впечатлѣніе. Эта ужасная брань, свободно излившаяся изъ устъ 16-лѣтней «придурковатой» дѣвушки, доказываетъ

ту степень озлобленія, до которой дошла Акулина въ бессильной борьбѣ съ окружающей обстановкой и ту рѣшимость, съ которой она бросается въ борьбу съ мачихой, но не добромъ, а зломъ, захватившимъ и ее въ свои когти.

Дальнѣйшіе поступки Акулины вполне соотвѣтствуютъ ея внутреннему настроенію: открытая связь съ мужемъ своей мачихи, согласіе, хотя и насильно исторгнутое, на убійство ребенка — все это доказываетъ полнѣйшее торжество «власти тьмы». Но, признаться сказать, трудно согласиться съ авторомъ, что Акулина «дурковатая». Всѣ ея дѣйствія положительно противорѣчатъ этому неправильно привѣшенному къ ней ярлыку; а въ сценѣ, когда Никитѣ вяжутъ руки, слова Акулины: «Я скажу правду. Допрашивай и меня», какъ-то сразу возвышаютъ ее въ мнѣніи читателя и, вмѣсто дуры, являютъ ее чуть не героиней. Во всемъ этомъ сказалась чистая правда: Акулина должна была произнести эти, а ни какія-нибудь другія слова, ибо по юности своей она не способна была сознательно предаться злу и при первомъ случаѣ каранія его должна была проявить раскаяніе. Не будь этого, она спокойно шла-бы по стопамъ Анисьи. Въ этомъ случаѣ, «противленіе злу» со стороны закона привело Акулину къ спасительному исходу. Случись оно ранѣе и Акулина была-бы ранѣе спа-

сена;» въ противномъ случаѣ, повторяемъ, она безпрепятственно шла-бы по стопамъ Анисьи, съ которой у ней много общаго: та же неудержимая страсть, то же озлобленіе при данныхъ условіяхъ. Но Анисья представляетъ еще болѣе сильный примѣръ развитія преступныхъ свойствъ въ натурѣ человѣка, подъ вліяніемъ «непротивленія злу» со стороны окружающихъ, которые своей кротостью, безучастіемъ и поблажками давали полный просторъ ея дурнымъ побужденіямъ. Самая первая сцена Анисьи съ Петромъ поражаетъ именно тѣмъ, что чѣмъ болѣе кротокъ мужъ, тѣмъ жена неистовѣе, чѣмъ онъ мягче относится къ ней, тѣмъ она болѣе ненавидитъ его. Кротость Петра воспитала въ Анисьѣ чувство отвращенія къ нему. Вотъ съ какимъ цинизмомъ она высказываетъ это чувство Матренѣ.

«Вѣришь-ли, тетушка. Постыль, ужь постыль мнѣ мой-то, кобель насастый и не смотрѣли-бы на него глаза».

Чѣмъ заслужилъ эту ненависть замѣчательно-нравственный и симпатичный Петръ? Единственный его недостатокъ—болѣзнь; но въ разумной и доброй женѣ это вызвало-бы только участіе къ мужу; а здѣсь вышло совершенно наоборотъ. Дѣло въ томъ, что «власть тьмы» не допускаетъ развиваться добрымъ качествамъ, а безхарактерная кро-

тость Петра, это своего рода «непротивленіе злу», давала полнѣйшую свободу животнымъ чувствамъ Анисьи, препятствіе къ удовлетворенію которыхъ, чисто съ внѣшней обрядовой стороны, привело ее наконецъ къ рѣшимости отравить мужа.

Въ дальнѣйшемъ развитіи характеръ Анисьи все ближе и ближе подходитъ къ тому законченному выраженію зла и отупѣнія всѣхъ нравственныхъ свойствъ человѣка, которыя такъ рельефно выказались въ дѣйствіяхъ безчеловѣчной Матрены. Въ сценѣ отравленія мужа въ душѣ несчастной Анисьи еще борются проблески совѣсти съ охватывающею ее тьмою: «Охъ, не насмѣлюсь» — говоритъ Анисья, когда, подъ настойчивымъ вліяніемъ Матрены, она должна была идти и всыпать въ чай весь ядъ, предназначенный Петру. И страхъ и совѣсть еще протестовали въ ней. Но убійство совершилось и Анисья вышла замужъ за Никиту. Однако, надежды ея не исполнились: Никита вмѣстѣ съ деньгами захватилъ и власть въ домѣ; онъ вступилъ въ открытую связь съ Акулиной и проявилъ такое бахвальство, что несчастная Анисья совсѣмъ принизилась передъ вторымъ мужемъ и начала выражать даже нѣкоторое раскаяніе въ своемъ злодѣяніи, сожалѣя о безвозвратно потерянной жизни съ первымъ мужемъ. Она даже страдаетъ въ этотъ періодъ жизни съ Никитой. «Измучилась я одна, Петровы кости-

то дергаючи», со злобой сознается она, требуя отъ Никиты убійства ребенка. Но напрасно было-бы ожидать нравственнаго возрожденія Анисьи, благопріятныя къ тому условія были слишкомъ кратковременны. Лишь только она взяла верхъ надъ Никитой въ сценѣ убійства ребенка, всѣ ея дурныя и злобныя чувства поднялись съ новою силою и выразились въ такихъ звѣрскихъ проявленіяхъ, что даже и Никитину спесь уничтожили.

«Измывался онъ надо мной съ висюхой своей! Да будетъ! Пусть не я одна. Пусть-ка и онъ душегубецъ будетъ. Узнаетъ каково». Сколько злобы въ этихъ словахъ ожесточенной женщины! Слабость Никиты, сразу опустившаго руки передъ женой, послужили причиной свободнаго выраженія этой злобы. Сколько ярости выразилось въ словахъ и поступкахъ Анисьи, когда она приноситъ ребенка и подаетъ его Никитѣ.

Нинита (*не беретъ*). Да ты сама снеси.

Анисья. На, бери, говорю (*кидаетъ ему ребенка*).

Никита (*подхватываетъ*). Живой! Матушка родимыя, шевелится! Живой! Чтожъ я съ нимъ буду...

Анисья (*выхватываетъ ребенка у него изъ рукъ и кидаетъ въ погребъ*). Задуши скорѣй, не будетъ живой. (*Сталкиваетъ Никиту внизъ*). Твое дѣло, ты и прикончи.

И потомъ:

Анисья (*глядя въ погребъ*). Доской прикрывъ, да на доску сѣлъ. Кончилъ должно.

Какая адская сила злодѣйства, какое торжество невѣжественной женщины, заставившей сильнаго мужчину убить роднаго ему ребенка!

Еще ранѣе Анисья доходитъ до неистовства, такъ, что даже адски расчетливая во всемъ Матрена вынуждена была сдержать ее: «Ну, ну, распалилась. А ты, дѣвушка, не серчай, а потихоньку, да помаленьку, какъ получше». Но вотъ картина измѣняется.

Никита (*вылзаетъ, трясется весь*). Живъ все! Не могу, живъ!

Анисья. А живъ, такъ куда-же ты? (*хочетъ остановить его*).

Никита (*бросается на нее*). Уйди ты, убью я тебя! (*Схватываетъ ее за руку, она вырывается, онъ бѣжитъ за ней со скребкой. Матрена бросается къ нему на встрѣчу, останавливаетъ его. Анисья убѣгаетъ на крыльцо. Матрена хочетъ отнять скрепку*).

Никита (*на мать*). Убью, и тебя убью! уйди! (*Матрена убѣгаетъ къ Анисьѣ на крыльцо. Никита останавливается*). Убью. Всѣхъ убью!

Даже и опытная въ злодѣйствахъ Матрена и та со страхомъ убѣгаетъ на крыльцо къ испуганной

Анисья отъ грозной силы, воспротивившейся ихъ преступному вліянію. Увы! Это было позднее и бесполезное сопротивленіе безхарактернаго Никиты.

Совершивши и это преступленіе, Анисья потомъ окончательно успокоивается и принимаетъ злодѣйскій обликъ и логику Матрены. Видя полнѣйшую безнаказанность (непротивленіе злу), она какъ и Матрена не смутилась-бы уже ни передъ какимъ преступленіемъ. Ея слова Никитѣ:

«Что кауришься-то? Всѣ бѣды избыли, разлучницу сбыли, жить намъ только радоваться. Все такъ честно, по закону. Ужъ такъ я рада, что и сказать нельзя. Ровно я за тебя въ другой замужъ иду. И-и! народъ какъ доволенъ! Всѣ благодарятъ И гости все хорошіе. И Иванъ Мосенчъ тоже и господинъ урядникъ. Тоже повеличали.

И эта женщина, послѣ всѣхъ совершенныхъ ею злодѣйствъ, говоритъ: «жить намъ только радоваться». Весь результатъ, совершенныхъ ею совмѣстно съ прочими преступленій, она подводитъ подъ понятіе: «Все такъ честно по закону». Значить и для злодѣйства нужны честность и законъ, подъ защитой которыхъ оно такъ пріятно себя чувствуетъ.

Когда слушаешь рѣчь Анисьи, то невольно вспоминаешь характеръ и логику Матрены, которую такъ хорошо сѹмѣла усвоить Анисья. И если-бы,

благодаря Никитѣ, не случился общій погромъ, то современемъ Анисья, какъ и Матрена, похвалялась бы передъ деревенскими бабами, раздавая имъ зелья, что и она «на аршинъ подъ землей видитъ и всѣ 77 увертокъ знаетъ».

XI.

Но вотъ, что говорить о себѣ Матрена, этотъ вполне созрѣвшій и ропающий семена плодъ темнаго невѣжества:

«Эхъ, дѣвушка, тетка Матрена терта, терта, да перетерта. Тетка Матрена, и тебѣ скажу, ягодка, подъ землей-то на аршинъ видитъ. Все знаю, ягодка! Тоже и тетка Матрена молода была. Тоже съ своимъ дуракомъ, вѣдашь, умѣючи прожить надо. Всѣ 77 увертокъ знаю...»

Замѣчательно, что этотъ плодъ тьмы и невѣжества, эта безумная Матрена такъ расцвѣла и созрѣла въ непосредственномъ сожителствѣ съ такимъ кроткимъ, справедливымъ и богобоязненнымъ мужемъ какъ Акимъ. Въмѣсто того, чтобы вызвать въ женѣ уваженіе и любовь къ себѣ, за свои высоко нравственные качества, и благотворно повліять на ея характеръ, бого и человѣколюбивый Акимъ послужилъ для Матрены тучною почвою, на кото-

рой зло и ненависть дали такой пышный цвѣтъ. «Непротивленіе злу», олицетворенное авторомъ въ Акимѣ, послужило не только во вредъ ему самому, низведя его на степень ничтожества, но главное допустило безпрепятственно развиваться преступной и злой натурѣ Матрены.

Все міросозерцаніе Акима крайне ограничено. Онъ до такой степени слабъ нравственно, что не можетъ даже ясно формулировать своихъ желаній и стремленій:

Что-жь, я, тае, воли съ малаго не снималъ, только-бы не тае. Хотѣлось, было, значить, тае.

Матрена. И что путаешь, самъ не знаешь.

Матрена не права: Акимъ знаетъ, что онъ путаетъ. У него одна всеподавляющая мысль, это мысль о Богѣ, но Акимъ, по невѣжеству своему, все слагаетъ на Бога, забывая, что каждому человеку нужно еще при жизни прислушиваться къ голосу Бога живаго—это къ голосу добра и правды. Онъ не могъ понимать, что угодные Богу должны служить Ему всю жизнь свою, не только сами не дѣлая зла, но и другихъ останавливая отъ преступленій и разврата. Идея Акима, какъ и всѣхъ «непротивящихся злу» слѣдующая: «Богъ проститъ. Богъ-то, Богъ-то! Опъ во!» Разумѣется, съ

такимъ взглядомъ нельзя согласиться. Люди и Бога стараются обмануть, и поэтому часто мы видимъ, какъ старцы, безпутно проведшіе свои молодые годы въ развратѣ и преступленіяхъ, въ концѣ концовъ приносятъ покаяніе. Пусть оно и будетъ искренное, но имѣетъ-ли это покаяніе цѣну въ то время, когда страсти притупились, воображеніе охладѣло, силы утратились и человѣку стало легко не грѣшить. Гораздо важнѣе покаяніе человѣка, сдерживающагося свои страсти, борющагося со зломъ и внутри себя и внѣ; такому человѣку должно помочь, какъ равно и тому, который по невѣденію или недомыслію творить зло. Преступленія часто совершаются только потому, что не было случая, не встрѣтилось человѣка, который-бы «воспротивился злу». Вотъ такъ и Матрена. Можно сказать съ увѣренностью, что она не была-бы такою преступницей, если-бы Акимъ обладалъ, при всѣхъ его нравственныхъ совершенствахъ, еще и маленькимъ характеромъ, съ которымъ преступной женщинѣ нужно было-бы считаться. Въ самомъ дѣлѣ, какая была надобность Матренѣ въ ея 77 уверткахъ съ такимъ кроткимъ, почти юродивымъ мужемъ, каковъ былъ Акимъ? Что она боролась, что-ли, съ нимъ при помощи 77 увертокъ? Или-же она примѣняла ихъ къ жизни ради своего личнаго благосостоянія? Въ первомъ случаѣ ничего этого не требовалось,

ибо борьбы никакой съ мужемъ не велось, но все сводилось къ второму вопросу, т.-е. къ благосостоянію Матрены: для нея было недостаточно отходнаго промысла, которымъ, даже съ нѣкоторою любовью, пробавлялся Акимъ. Корысть сильно пустила корни въ сердце Матрены и побудила ее торговать ядомъ. Даже въ отношеніяхъ къ сыну корысть все поглощаетъ въ расчетахъ этой женщины. Вотъ что говоритъ она своему Никитѣ: «Ты какъ думаешь, я по твоему дѣлу по всѣмъ мѣстамъ толкалась; всѣ ляжки измызгала, объ тебѣ хлопотавши. А ты помни, тогда меня не забудь». Въ этихъ заботахъ о сынѣ нѣтъ ни искры любви, а только холодные расчеты на матеріальныя выгоды. И такъ, совершенное безучастіе къ дѣяніямъ Матрены, ея мужа и всѣхъ окружающихъ, давало просторъ ея корыстной жизни. Вѣдь, и Матрена была молода и не была сначала преступницей — почему-же она обратилась въ профессиональную злодѣйку? А все потому-же, что «непротивленіе» ея «дурака» предоставило ей широкій путь къ злу, сначала малому, а потомъ болѣе крупному, дошедшему до предѣловъ чудовищности. Въ концѣ концовъ Матрена и лжетъ, и отравляетъ, и убиваетъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, ибо увѣрена, что никто ей не помѣшаетъ. Она считаетъ свое положеніе на столько безопаснымъ и упроченнымъ, что живетъ и дѣй-

ствуешь въ «непротивляющейся» ей средѣ, какъ рыба въ водѣ. Послушайте, какъ властно она распоряжается: «Говорю, не толкуй, дѣлай какъ велю» — приказываетъ она Анисьѣ. «Говорю, стой» — кричитъ она на сына. Семидесяти семи увертокъ, какъ видно, совершенно достаточно для ея злодѣйскаго обихода. Правда, Матрена нѣсколько опасается народа, а закона побаивается; но о народѣ она вотъ какъ выражается, уговаривая сына поскорѣй вырыть для раздавленнаго ребенка ямку въ погребѣ:

Извѣстно, померъ. Только живѣй надо. А то народъ не полегся. Услышать, увидать — имъ все, подлымъ, надо.

И такъ, народъ она презираетъ. Ну, а законъ? Она и его съумѣетъ обойти клятвопреступленіемъ. Вотъ что она заявляетъ Анисьѣ:

«Если чего коснется, мое дѣло сторона, я знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, — крестъ поцѣлую, никакихъ порошковъ не давала и не видала, и не слыхала какіе такіе порошки бываютъ.

Вообще, она настолько спокойна въ своихъ злодѣяніяхъ и настолько цинична, что не смущается рѣшительно ни передъ чѣмъ. Только что отравивъ Петра, она идетъ обмывать его тѣло и съ наглымъ достоинствомъ бросаетъ «подлому» народу: «Потружусь и я». Эти слова сказаны ею не безъ цѣли

заслужить уваженіе отъ «подлаго» народа, которому «все надо». Эта выходка одна изъ 77 увертокъ ея. А что она говоритъ своему родному сыну, когда, только что совершивъ убійство ребенка, тотъ подъ вліяніемъ ужаса не можетъ зарыть его:

«Пооди, родной, выпей. Оно точно ночнымъ дѣломъ жутость беретъ. А дай срокъ ободняетъ, да, вѣдашь, денекъ другой, пройдетъ и думать забудешь. Дай срокъ, дѣвку отдадимъ и думать забудемъ. А ты выпей, выпей поди. Я ужъ сама приберу въ погребѣ-то.

И потомъ Анисьѣ:

«Иди, иди, ягодка, а ужъ и потружусь, полѣзу сама закопаю.

Ее и «жутость» не беретъ, и такъ-же спокойно, какъ пошла она обмывать Петра, спустилась Матрена въ погребъ, чтобы зарыть, убитого сыномъ ея, ребенка.

«Ну, да слава Богу, дай это дѣло прикроемъ и концы въ воду. Спихнемъ дѣвку безъ грѣха. Останется сыночекъ жить покойно. Домъ, слава Богу, полная чаша. Тоже и меня не забудетъ. Безъ Матрены чтобъ они были? Ничего-бъ имъ не обдумать.

Вотъ какъ разсуждала и чѣмъ руководилась эта женщина въ своихъ преступленіяхъ. Къ тому-же самому заключенію, какъ выше было указано, пришла и Анисья. Кто-же бросить камень осужде-

нія въ этихъ преступницъ? Вѣдь они были доведены до этого звѣрски-животнаго состоянія условіями жизни и «непротивленіе злу», ввидѣ безучастія окружающихъ, допустило созрѣть безмысленному злодѣйству, основанному только на животныхъ чувствахъ; то спокойствіе, съ которымъ совершались ими убійства, похоже на спокойствіе крокодила, пожирающаго своихъ собственныхъ дѣтенышей. Вотъ до какого состоянія доводитъ людей безпрепятственное развитіе въ нихъ дурныхъ побужденій. Возможно-ли этому злу не противиться? Вѣдь и Матрена была такою-же маленькою и, можетъ быть, такою-же симпатичною дѣвочкою какъ Анютка. Можетъ быть, и въ ея дѣтскомъ умѣ мелькало сознаніе: «умереть, а то изгадишься»; но противъ воли, противъ разумѣнія была она вовлечена въ злобу жизни и шагъ за шагомъ доведена до предѣловъ злодѣйства. Не ожидается-ли тоже и Анютку? Не ожидается-ли тоже и милліоны другихъ дѣтей русскаго народа, если болѣе разумная часть его не окажетъ дружнаго «сопротивленія злу»?

XII.

А многихъ можно было-бы спасти и не только дѣтей, но и взрослыхъ, натура которыхъ не склонна къ преступленіямъ самостоятельнымъ.

Вотъ, напримѣръ, Никита, этотъ типъ избалованнаго, лѣниваго и сладострастнаго парня, — онъ идетъ по пути зла, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ и что изъ сдѣланнаго имъ въ послѣдствіи выйдетъ. Онъ ищетъ только наслажденій и, пользуясь ими какъ скотъ, по распущенности своей, запутывается въ чуждыхъ его натурѣ интригахъ и, въ концѣ концовъ, соглашается даже на злодѣяніе. Въ немъ не имѣется никакихъ нравственныхъ устоевъ, ибо ему не дали ихъ ни семья, ни среда, въ которой онъ жилъ и развивался. Поэтому все, что онъ совершалъ, подводилось Никитой подъ уровень его личныхъ впечатлѣній и понятій. На основаніи этихъ данныхъ у него все выходило и очень просто и не по его винѣ. Онъ ложно поклялся передъ иконой и утѣшаетъ себя:

«Боязно, говорятъ, въ неправдѣ божиться. Все одна глупость. Ничего, одна рѣчь. Очень просто...»

И такъ у него все «очень просто». Онъ и рыдающей Маринѣ говоритъ:

«Что помнѣть-то? Сами не знаютъ. За угломъ стояла, Анютку послала, не пришелъ я къ тебѣ. Значитъ, не надобна ты мнѣ, очень просто. Ну, уйди».

И когда Марина, не пугаясь его угрозъ, говоритъ:

«До худа? Чтожь, меня бить будешь? Бей, на! Что морду-то отворотилъ? Эхъ, Никита!»

Никита отвѣчаетъ ей:

«Извѣстно не хорошо, народъ прійдетъ».

Значить есть сила, которой Никита боится — «народъ прійдетъ». Но сила эта не является, бездѣйствуетъ и даетъ полнѣйшій просторъ дальнѣйшему паденію безхарактернаго Никиты. Онъ и самъ не понимаетъ, какъ это съ нимъ все случается, неразберется никакъ въ этихъ совершенно противоположныхъ ощущеніяхъ, то животной страсти, то чувства упрекающей совѣсти:

«То-то неразбирика. Люблю я этихъ бабъ какъ сахаръ; а нагрѣшишь съ ними — бѣда!

Но въ чемъ эта бѣда, Никита даже и не старается разъяснить себѣ, — просто непріятно, неудобно съ виѣшной стороны. Но событія усложняются все болѣе и болѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Никита все болѣе и болѣе запутывается въ злѣ. Временами онъ и сознаетъ это, но не считаетъ себя виновнымъ, а старается даже и свои вины свалить на другихъ. Прощаніе съ Петромъ пробудило въ немъ даже чувство раскаянія за все то зло, которое онъ сдѣлалъ своему доброму хозяину; но Анисія нѣсколькими словами убила это чувство:

«Вишь, жалость напала, есть кого жалѣть! Онъ тебя собачилъ, собачилъ, и сейчасъ приказывалъ, чтобы согнать тебя со двора долой».

Послѣэтихъ словъ Анисьи вы уже предчувствуете, что совѣсть Никиты успокоится. И дѣйствительно, онъ уже заглушилъ ее и подчинился чужому вліянію, когда говоритъ:

«Ужъ эти бабы придумаютъ. Окончательно завертятъ».

Онъ хочетъ уйти, но Матрена властно останавливаетъ его за руку: «говорю, стой». Онъ пробуетъ возражать матери, но логика Матрены убиваетъ въ немъ всякій протестъ. Кончается тѣмъ, что онъ прячетъ украденныя деньги, потомъ прибѣгаетъ къ рукамъ Анисью; однимъ словомъ, поступаетъ такъ, какъ мать научила; а отъ себя еще и Акулину соблазняетъ, вполне оправдывая себя въ этомъ случаѣ:

«Стала эта дѣвка вѣшаться. Что-жъ мнѣ? Не я, такъ другой. А оно вотъ что! Опять таки моей причины нѣтъ никакой. Охъ, дѣла...»

Бахвальство пьянаго Никиты въ III дѣйствіи вполне обрисовываетъ этого безхарактернаго, добродушнаго мужика, всѣ выходки котораго на столько комичны сначала, что даже вызываютъ улыбку;

но только укоры отца его, какъ «противленіе злу», заставили проснуться совѣсть Никиты и онъ съ рыданіемъ сознается:

«Охъ, скучно мнѣ, какъ скучно!»

Но Акимъ ушелъ, а съ нимъ и «противленіе злу» прекратило свое благотворное дѣйствіе и зло опять вступило въ свои права. Впослѣдствіи Никита уже и самъ является его вѣрнымъ слугой. Онъ проситъ Митрича:

«Ты, Митричъ, смотри, если что, лишняго неболтай».

Митричъ. А мнѣ что, заматай слѣдъ какъ знаешь».

«Ну, дѣла!» восклицаетъ Никита, не зная что предпринять и какъ выпутаться изъ этихъ дѣлъ. А тутъ опять является сильная своими правами Анисья и еще болѣе запутываетъ мужа.

Анисья (*выходитъ*). Ты гдѣ же тутъ?

Никита. Здѣсь!

Анисья. Чего сидишь? Ждать неколи. Сейчасъ выносить надо.

Никита. Что-жъ дѣлать будемъ?

Анисья. Я тебѣ сказываю что. То и дѣлай.

Никита. Да вы-бы въ воспитательный, коли что.

Анисья. Возьми да и неси, коли тебѣ охота. На пакости-то лакомъ. А на раздѣлку то слабъ, вижу.

Никита. Что дѣлать-то?

Анисья. Говорю, поди въ погребъ яму вырой.

Никита. Да вы бы такъ какъ нибудь.

Анисья (*передразнивая его*). Такъ, какъ нибудь. Нельзя, видно, такъ-то. А ты бы загодя думалъ. Иди куда посылають.

Никита. Ахъ! Дѣла, дѣла.

Безпомощно восклицаетъ Никита и затѣмъ, въ длинномъ разсужденіи объ этихъ дѣлахъ, старается оправдать себя, не безъ увѣренности заканчивая: «Опять таки моей причины нѣтъ никакой». Однимъ словомъ, во всѣхъ этихъ дѣлахъ Никита является безсильной жертвой, увлекаемой по пути преступленій кѣмъ-то и чѣмъ-то, только отнюдь не собственнымъ сознаніемъ. Онъ и самъ чувствуетъ, что не онъ тутъ причиной, а другіе: «Смѣлы-же эти бабы—что придумали». Никита не въ состояніи додуматься до того, что это совсѣмъ не смѣлость со стороны бабъ, а скорѣе звѣриная тупость, безсознательность, невѣдѣніе того, что они творять. Обезкураженный Никита пытается даже устраниваться отъ этихъ злодѣйскихъ бабъ; но послѣднія властно заставляютъ его рѣшиться на преступ-

леніе: онъ оказался безсильнымъ въ борьбѣ со зломъ, а помочь воспротивится злу никого не оказалось у Никиты. И даже тогда уже, когда ребенокъ былъ раздавленъ Никитой, вы забываете, что онъ злодѣй и чуть сами не рыдаете изъ сожалѣнія къ несчастному дѣтоубійцѣ, когда онъ обращается къ матери:

«Матушка родимая, пожалѣй ты меня».

И дѣйствительно, несчастный Никита заслуживаетъ полнаго сожалѣнія; онъ совсѣмъ не былъ склоненъ къ преступленію; вліяніе окружающихъ сдѣлало его злодѣемъ, не смотря на то, что натура его была исключительно добрая. Кромѣ того, порывы животной страсти, ничѣмъ не сдерживаемые въ своихъ стремленіяхъ къ наслажденіямъ, мало-помалу завлекли его на путь преступленій и предали во «власть тьмы». Если бы Акимъ, или даже Митричъ не были такъ преступно безучастны къ положенію Никиты и оказали бы хотя нѣкоторое сопротивленіе совершившемуся на ихъ глазахъ злу, то можно быть увѣреннымъ, что преступленіе дѣтоубійства было-бы предотвращено. Положимъ, что въ концѣ концовъ огорченный сыновнею жизнью Акимъ и мертвецки пьяный Митричъ надоумили Никиту принести всенародное покаяніе; но успокоило ли это покаяніе совѣсть его, не вопіяла ли въ душѣ его кровь убитого ребенка? И

самое-то покаяніе носило характеръ лжи и бахвальства. Никита принималъ на себя даже тѣ преступленія, и принималъ нераздѣльно, которыхъ онъ и не совершалъ: «Отравилъ я отца, погубилъ я, песь, и дочь». А когда Акулина заявляетъ: «я скажу правду. Допрашивай и меня!» связанный Никита съ какимъ то ухарствомъ, исключаящимъ всякое представленіе о кротости и раскаяніи, оговариваетъ себя:

«Нечего допрашивать. Все я одинъ сдѣлалъ. Мой и умыселъ; мое и дѣло. Ведите куда знаете. Больше ничего не скажу!»

Повторяемъ, благодаря геніальности автора, въ драмѣ «Власть тьмы» правда сказалась отъ перваго слова до послѣдняго и въ этихъ заключительныхъ словахъ Никиты она ярче всего озаряетъ читателя; это доказываетъ, что Левъ Толстой, не смотря на свою симпатію къ идеѣ «о непротивленіи злу», до того высокочестный художникъ, что даже и въ данномъ случаѣ не замаскировалъ ее несостоятельности.

Въ самомъ дѣлѣ, разберемъ этотъ случай: преступникъ приносить всенародное покаяніе въ своихъ преступленіяхъ и при этомъ, чтобы выгородить своихъ соучастницъ, онъ говоритъ неправду, оговаривая себя въ такихъ преступленіяхъ, которыхъ онъ и не совершалъ. Удовлетворяетъ-ли это

раскаяніе чувство правды въ читателѣ? Прими-
ряетъ-ли оно съ преступникомъ? Наконецъ, удов-
летворяетъ-ли оно требованіямъ божественной про-
повѣди Христа? На всѣ эти вопросы мы отвѣ-
тимъ—нѣтъ! Если Божественный Учитель гово-
рилъ: «не протився злему» (отъ Матѳея гл. 5, 39),
то это правило кротости онъ противопоставилъ
древней озлобленности: «око за око, зубъ за зубъ»,
съ тою цѣлью, чтобы ограничить развитіе вражды
между людьми, но не съ тою—чтобы предоставить
злу просторъ и обильную пищу. А такъ какъ зло
порождается не одною только враждой между людь-
ми, но и личными несовершенствами человѣка,
его животными склонностями, неразуміемъ и проч.,
то выраженіе «не протився злему», не имѣетъ къ
подобнымъ случаямъ никакого отношенія.

Напримѣръ, въ данномъ случаѣ Никита расплю-
щилъ новорожденного ребенка, который въ полномъ
смыслѣ «не противился злему» Никитѣ, потому что
и не имѣлъ силы, и не сознавалъ ничего. Да и
Никита—можетъ-ли быть названъ злымъ по отно-
шенію къ ребенку? А между тѣмъ зло соверши-
лось безъ противленія ему, безъ смысла съ одной
стороны и безъ злобы съ другой. Учитъ-ли Спа-
ситель, чтобы къ явленіямъ подобнаго рода отно-
ситься безъ противленія? Согласно-ли это съ Его
божественными намѣреніями? Нѣтъ, это противно

религии Христа: мы можемъ не осуждать людей, но спасти ихъ отъ зла и гибели мы обязаны по долгу братской любви. Слѣдовательно, мы обязаны открывать и уничтожать источники зла и тѣмъ способствовать торжеству добра.

Между тѣмъ Никита, покрывая другихъ соучастниковъ, покрываетъ и зло, которое въ нихъ коренится и даетъ возможность въ будущемъ опять развиться ему до преступленій. Вотъ почему раскаяніе Никиты не примиряетъ съ нимъ читателя, а напротивъ возбуждаетъ недоувѣріе къ искренности его чувства; тогда какъ простые слова Акулины: «Я скажу правду. Допрашивай и меня» имѣютъ глубокой примиряющій смыслъ. Людямъ нужна правда и тотъ, кто ее сполна выскажетъ, заслуживаетъ и любовь и прощеніе. Не тотъ преступникъ, кто совершилъ преступленіе и раскаялся, а тотъ, кто хотя и сознался въ преступленіи, но скрылъ правду. Поэтому восторгъ Акима: «Богъ простить, дитяtko родимое! (*Обнимаетъ его*). Себя не пожалѣлъ. Онъ тебя пожалѣетъ, Богъ-то, Богъ-то! Онъ-во!» тоже одна иллюзія. Ни Акимъ, ни сынъ его не прозрѣли въ окружающей ихъ тѣмѣ, одна только Акулина увидала свѣтъ спасенія въ потребности высказать правду, которая на всегда очиститъ отъ скверны ея молодую душу. Въ ея словахъ звучитъ искренній порывъ чувства: «Я скажу правду. Допрашивай и меня».

XIII.

Но мы видѣли, что еще ранѣе Акулины этотъ искренній порывъ чувства прозвучалъ уже въ душѣ Анютки:

«Охъ, дѣдушка, сдѣлають они что надъ нимъ. Загубятъ онъ его. Махонькій вѣдь онъ.—О-о! *(Закрывается съ головой и плачетъ)*».

И дѣйствительно, какой это чистый порывъ дѣтской души! Но онъ жалобно прозвучалъ и замеръ какъ въ пустынѣ. Нѣтъ сочувствія, нѣтъ спасенія въ окружающей обстановкѣ: «умереть, а то изгадишься»...

Разумѣется, подобной чистоты и свѣжести чувства, которыя живутъ въ душѣ Анютки и еще не заглохли въ душѣ Акулины, нельзя ожидать отъ Анисьи. Чувство раскаянія если и пробудится въ ней, то по инымъ совершенно причинамъ, относящимся только къ внѣшней матеріальной сторонѣ ея существованія. Что-же касается Матрены, то она уже совсѣмъ недоступна чувству раскаянія: мысль о клятвопреступленіи, какъ одной изъ 77 увертокъ, должна была поглотить все ея вниманіе и убить способность чувствительности сердца въ этой закоренѣлой злодѣйкѣ.

Мы еще возвратимся къ этому важному, въ воспитательномъ значеніи, факту сильной восприм-

чивости добра натурами дѣтскими и юными и относительной преступности этого чувства въ натурахъ болѣе или менѣе устарѣлыхъ. Значеніе этого факта въ дѣлѣ воспитанія народа всякому понятно. Теперь-же мы укажемъ на тѣ условія, которыя способствуютъ притупленію чувства добра въ людяхъ, прогрессивно ихъ возрасту.

Въ этомъ случаѣ «Власть тьмы» и особенно «вариантъ» IV дѣйствія содержатъ богатѣйшій матеріалъ.

Что-бы сразу выяснитъ этотъ вопросъ, позволимъ себѣ выписать крайне характерный разговоръ Митрича съ Анюткой, который представляетъ поразительный контрастъ между чувствительностью невинной дѣвочки и возмутительной тупостью чувствъ стараго солдата. Митричъ подходитъ къ лампочкѣ и хочетъ завернуть.

Анютка (*вскакиваетъ, садится*). Дѣдушка, не туши, голубчикъ.

Митричъ. Чего не тушить?

Анютка. А на дворѣ-то гомонили какъ. (*Прислушивается*). Слышишь, опять въ амбаръ пошли?

Митричъ. Тебѣ-то чего? Авось тебя не спрашиваютъ. Ложись, да и спи. А я вотъ заверну свѣтъ. (*Завертываетъ*).

Анютка. Дѣдушка, золотой! Не гаси совсѣмъ. Ты хоть съ мышинный глазокъ оставь, а то жуть.

Митричь (*смѣется*). Ну, ладно, ладно. (*Присаживается подлѣ нея*). Чего жутко-то?

Анютка. Какъ не жутко, дѣдушка! Нянька какъ билась. Обѣ рундукъ головой билась. (*Шепотомъ*). Я вѣдь знаю... у нее ребеночекъ родиться хочеть...

Митричь. Эка егоза, залятай тебя лягушки. Все тебѣ знать надо. Ложись, да и спи. (*Анютка ложится*). Вотъ такъ-то. А то много знать будешь, скоро состаришься.

Анютка. А ты на печку пойдешь?

Митричь. А то куда-жь? То-то глупая, посмотрю я. Все ей знать надо. (*Закрываетъ ее еще и поднимается идти*). Вотъ такъ-то лежи да и спи. (*Идетъ къ печи*).

Анютка. Разочекъ крикнулъ, а теперь не слышать.

Митричь. О, Господи, Микола милостивый!.. Чего не слышать-то?

Анютка. Ребеночка.

Митричь. А нѣтъ его, такъ и не слышать.

Анютка. А я слышала, однова дыхнуть, слышала. Тоненько такъ.

Митричь. Много ты слышала. А слышала ты, какъ вотъ такую дѣвчонку, какъ ты, дѣтосѣ-ка въ мѣшокъ посадилъ, да и ну ее.

Анютка. Какой такой дѣтосѣка?

Митричь. А вотъ такой самый. (*Льзетъ на печь*). И хороша-жь печка нынче, тепла. Любо! О, Господи, Микола милостивый!

Анютка. Дѣдушка! Ты заснешь?

Митричь. А то что-же ты думала — пѣсни играть буду? (*Молчаніе*).

Анютка. Дѣдушка, а дѣдушка! Копаютъ! Ей Богу, копаютъ—слышь! Однава дыхнуть, копаютъ!

Митричь. Чего не вздумаешь—копаютъ? Ночью копаютъ. Кто копаетъ? Корова чешется. А ты—копаютъ! Спи, говорю, а то сейчасъ свѣтъ погашу.

Анютка. Голубчикъ, дѣдушка, не туши. Не буду. Ей-Богу, не буду. Страшно мнѣ.

Митричь. Страшно? Ты не бойся ничего, вотъ и не будетъ страшно. А то сама боится и страшно, говорить. Какъ-же не страшно, какъ ты боишься. Эка дѣвчонка глупая какая. (*Молчаніе—сверчокъ*).

Въ этомъ разговорѣ, прежде всего, обращаетъ вниманіе та настойчивость, съ которой Анютка выражаетъ свои опасенія относительно «ребеночка».

Она уже знаетъ, что на свѣтъ Божій появилось новое существо и увѣрена въ его преждевременной гибели. Бѣдная дѣвочка въ ужасѣ и въ сознаніи своего безсилія обращается къ Митричу, какъ бы ища въ немъ нравственной опоры. Все это отлично знаетъ и Митричъ, но умышленно путаетъ дѣло, притворяясь не знающимъ и стараясь ложью, шутками, запугиваніемъ и безучастіемъ заглушить добрые порывы въ сердцѣ испуганной дѣвочки. Но это оказывается не легко: Анютка ни мало не успокоивается доводами стараго солдата. Вошедшая за крестомъ Анисья подтверждаетъ фактъ рожденія ребенка. Анютка уже болѣе не сомнѣвается въ гибели его и въ ужасѣ вскакиваетъ и дрожить.

О-о дѣдушка! Не засыпай ты, Христа ради, страшно какъ!

Митричъ. Да чего страшно-то?

Анютка. Помретъ, должно, ребеночекъ то? У тетки Арины также бабка окрестила, — онъ и померъ.

Митричъ. Помретъ — похоронять.

Анютка. Да можетъ онъ - бы и не померъ, да бабка Матрена тутъ. Вѣдь я слышала, что бабка то говорила, однова дыхнуть, слышала.

Митричъ. Чего слышала? Спи говорю. Закройся съ головой да и все.

Анютка. А кабы живъ былъ, я-бъ его нянчила.

Митричь (*рычитъ*). О, Господи!

Анютка. Куда-жь они его дѣнуть?

Митричь. Туда и дѣнуть, куда надо. Не твоя печаль. Спи, говорю. Вотъ мать придетъ — она тебя!

Теперь уже и Митричь не отвергаетъ существованіе ребенка, а бѣдная дѣвочка уже не сомнѣвается болѣе, что его убьютъ. Бабка Матрена тутъ. Анютка слышала о чемъ говорила эта завѣдомая злодѣйка. «А кабы живъ былъ, я-бъ его нянчила». Это уже инстинктивный порывъ будущей женщины. «Куда-жь, они его дѣнуть»? въ ужасѣ вопрошаетъ дѣвочка. Разумѣется, Митрича коробитъ отъ этихъ желаній и вопросовъ испуганной людскимъ злодѣйствомъ Анютки. Онъ старается заглушить въ ней пробудившіеся чувства любви и жалости къ «ребенку», но видя, что всѣ доводы его нисколько не успокаиваютъ дѣвочку, онъ грозитъ ей приходомъ матери. Вспомня, что мать едва не прибила ее Анютка умолкаетъ. Но мысль объ убійствѣ ребенка не даетъ ей покою: она вспоминаетъ о какой-то дѣвчкѣ и стороной возвращается къ прежней темѣ разговора.

«Дѣдушка! А дѣвчонку, ты сказывалъ, не убили-же?»

Разсказъ Митрича о дѣвченкѣ не отвлекаетъ, однако, ея вниманія отъ того, что совершаютъ бабка Матрена и ея мать съ ребеночкомъ. Анюткѣ тяжело; она готова разрыдаться и совершенно неожиданно вспоминаетъ какъ умиравшій отецъ ея просилъ прощенья у Никиты. «Тоже какъ жалостно». Но вотъ въ погребѣ опять завозились.

Анютка. Дѣдушка, а дѣдушка. Вотъ опять шумятъ что-то въ погребѣ. Ай, матушки, сестрицы-голубушки! Охъ, дѣдушка, сдѣлаютъ они что надъ нимъ. Загубятъ они его. Махонькій вѣдь онъ.—О-о! (*Закрывается съ головой и плачетъ*).

Даже Митрича схватилъ за сердце этотъ вопль невиннаго ребенка.

Митричъ (*прислушивается*). И впрямь что то пакостятъ, дуй ихъ горой. А пакостницы же бабы эти. Мужиковъ похвалить нельзя, а ужъ бабъ... Эти какъ звѣри лѣсные. Ничего не боятся.

Но Анютка увѣрена, что если-бы на «ребеночка» дѣйствительно напали звѣри лѣсные, то Митричъ не лежалъ бы на печи, а бросился бы выручать его; но на «ребеночка» напали не звѣри, а бабы, которыя ничего не боятся, значить, и Митрича не боятся. Несчастливая дѣвочка уже не сомнѣвается болѣе, что отъ людей нѣтъ спасенія и ей становится

такъ отвратительно свое собственное существованіе въ средѣ этихъ людей, что она съ не дѣтскою рѣшимостью желаетъ умереть, чтобы не изгадиться. Это ужасное желаніе Анютки замѣчательно еще и въ томъ отношеніи, что вполне объясняетъ то отвращеніе къ жизни и къ людямъ, съ которымъ покидаютъ жизнь и наши интеллигентныя дѣти-самоубійцы. «Пакостятъ» не въ однихъ мужицкихъ семьяхъ, въ которыхъ возрастаютъ Анютки, но и въ семьяхъ аристократическихъ, гдѣ дѣти видятъ часто такіе примѣры зла, ненависти и тупаго равнодушія къ себѣ, что быстро утрачиваютъ всякую вѣру въ жизнь и людей и приходятъ къ тому же роковому желанію смерти, какъ и Анютка. Фраза «не стоитъ жить!» въ устахъ юныхъ самоубійцъ является обыкновенною и вполне соотвѣтствуетъ словамъ Анютки: «умереть, а то изгадишься». Но крестьянская дѣвочка желаетъ естественной смерти, а наши «интеллигентныя» дѣти спѣшатъ покончить съ собою насильственно. А кто виноватъ въ этой преждевременной гибели дѣтей, какъ не само-же общество, безучастіе котораго еще хуже безучастія Митрича. Какъ часто самоубійцы заявляютъ въ оставляемыхъ ими предсмертныхъ запискахъ: «считаю себя лишнимъ въ жизни и никому не нужнымъ»... Ужь только тогда, когда человекъ лишитъ себя жизни, общество какъ будто-бы выразитъ нѣ-

которое, совершенно не нужное для мертвеца, участие, которое, какъ злая насмѣшка, провожаетъ несчастныхъ самоубійцъ въ нѣдра земли, гдѣ съ послѣднею горстью праха, брошеннаго на ихъ могилы, оканчивается и трогательное участие общества.

Но Анюткѣ не понятно самоубійство, ибо она не считаетъ себя лишнею въ великой крестьянской семьѣ; ее ожидаетъ въ жизни тяжелая, вѣковѣчная страда и она должна жить въ той ужасной обстановкѣ и съ тѣми ужасными людьми, которые не знаютъ ни свѣта, ни радости. Несчастливая дѣвочка хорошо знаетъ эту среду и увѣрена, что за право существованія и она должна также изгадаться, какъ и окружающіе ее люди. А голосъ ужасной дѣйствительности въ лицѣ безчувственного стараго солдата подтверждаетъ:

«Еще какъ изгадишься-то! Вашей сестрѣ какъ не изгадаться? Кто васъ учитъ? Чего ты увидишь? Чего услышишь? Только гнустность одну. Я хоть немного ученъ. А кое что, да знаю, не твердо, а все не какъ деревенская баба. Деревенская баба что? Слякоть одна. Вашей сестры въ Россіи большіе милліоны, а всѣ какъ кроты слѣпые,—ничего не знаете. Какъ коровью смерть опаживать, привороты всякіе, да какъ подъ насѣсть ребяты носить къ курамъ—это знаютъ.

Анютка. Мамушка и то носила.

Митричъ. А то-то и оно-то. Милліоновъ васъ сколько бабъ, да дѣвокъ, а всѣ какъ звѣри лѣсные. Какъ выросла такъ и помреть. Ничего не видала, ничего не слыхала. Мужикъ, тотъ хоть въ кабакъ, а то и въ замкъ, слушаемъ, али въ солдатствѣ, какъ я, узнаетъ кое что. А баба что? Она не то что про Бога, она и про пятницу-то не знаетъ толкомъ, какая такая? Пятница, пятница, а спроси какая—она и не знаетъ. Такъ какъ щенята слѣпые ползаютъ, головами въ навозъ тычатыся. Только и знаютъ пѣсни свои дурацкія: го-го, го-го... А что го-го?—сами не знаютъ.

Анютка. А я, дѣдушка, Вотчу до половины знаю.

Митричъ. Знаешь ты много! Да и спросить съ васъ тоже нельзя. Кто васъ учитъ? Только пьяный мужикъ поучить когда возжами. Только и ученія. Ужь и не знаю, кто за васъ отвѣчать будетъ. За рекрутовъ, такъ съ дядьки или съ старшаго спросятъ. А за вашу сестру и спросить не съ кого. Такъ безпастушная скотина озорная самая, бабы эти—самое глупое ваше сословіе. Пустое самое ваше сословіе.

Анютка. А какъ-же быть-то?

Митричъ. А такъ и быть... Завернись съ головой и спи. О, Господи! (*Молчаніе—сверчокъ*).

Анютка (*вскакиваетъ*). Дѣдушка! Кричить кто-то, не путемъ кто-то! Ей-Богу, право, кричить. Дѣдушка, милый, сюда идетъ.

Митричъ. Говорю съ головой укройся.

Здѣсь ужъ предѣлъ пытливости несчастнаго ребенка. Ужасная дѣйствительность, какъ черная пропасть протянулась на пути ея жизни: далѣе нѣтъ хода, нѣтъ и возврата вспять. Или сама должна сознательно бросится въ эту черную тьму бездоннаго омута, или все равно слетѣть туда подъ напоромъ роковой, всесокрушающей силы толпы людской. «А какъ-же быть то»? въ ужасѣ вопрошаетъ Анютка. — А такъ и быть... отвѣчаетъ дѣйствительность во образѣ Митрича: «завернись съ головой и спи». И многіе милліоны дѣтей, внимая этому непреклонному приговору дѣйствительности, покорно склоняютъ свою головку и, безъ борьбы, безъ надежды на спасеніе, стремглавъ уносятся потокомъ жизни въ мрачный омутъ страстей и злодѣяній.

Съ теченіемъ времени, вмѣстѣ съ физическимъ ростомъ ребенка, притупляется чувство ужаса, утрачивается сознаніе своего безвыходнаго положенія, человѣкъ подчиняется внѣшнимъ вліяніямъ жизни, пріобрѣтаетъ все большее и большее равнодушіе къ

людямъ и, наконецъ, утрачиваетъ все, что было вложено въ душу его божественной природой. Немногіе, сохранившіе это сокровище души своей, избѣгаютъ нравственной гибели, если только они во время обращаются къ этому источнику самосохраненія.

XIX.

Понималъ ли Митричъ всю гнустность своего безучастія къ судьбѣ убитаго ребенка, или это было сознательное съ его стороны непротивленіе злу? Ни то и ни другое. Его и самого, какъ и всѣхъ, окутывала тьма невѣденія, о которой онъ такъ пространно и жизненно вѣрно толковалъ Аняткѣ. То «кое что», узнанное имъ въ солдатствѣ, слишкомъ бессильно и ничтожно, чтобы имѣло какое нибудь вліяніе на среду, въ которой вращался Митричъ. Этотъ старый солдатъ дошелъ уже и самъ до предѣловъ того равнодушія, когда резонерствомъ прикрывается отсутствіе честныхъ порывовъ и когда утрачивается почти все, что было вложено въ душу человѣка божественно-щедрой природой. Для того-же, что-бы воспротивиться злу, необходимо обладать нравственной силой, которой у Митрича не было: онъ и самъ слѣдовалъ правилу закрывать голову и спать въ то

время, когда совершаются злодѣянія. Правило это старый солдатъ рекомендовалъ и Анюткѣ.

Если это поведеніе Митрича прировнять къ идеѣ «о непротивленіи злу», то выходитъ нѣчто ужасное. Мы не можемъ даже допустить и мысли о томъ, чтобы авторъ драмы «Власть тьмы», поставивъ себя на мѣсто Митрича, при всей своей преданности излюбленной имъ идеѣ «о непротивленіи злу», не проявилъ-бы на столько чувства человѣколюбія, чтобы не предотвратить дѣтубійство.

Но въ разбираемой нами средѣ «власть тьмы» такъ безпощадно сильна, что никто не осмѣливается противодѣйствовать ей, а потому и зло безпрепятственно развивалось тамъ, ничѣмъ не останавливаемое въ своемъ ужасающемъ теченіи. Слѣдовательно, ужъ таковы условія жизни, что и Митричъ, при всей его наблюдательности, явился невольнымъ попустителемъ безчеловѣчнаго злодѣянія. Возможно ли обвинить его за это? Нѣтъ. Попустителями явились всѣ окружающіе преступниковъ, весь сельскій народъ, подчиненный той-же всемогущей «власти тьмы». Если разобрать преступленія, совершающіеся и въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, то картина выйдетъ таже. Найдутся и Митричи, резонирующіе, лежа на печи, о причинахъ паденія нравовъ, и кумушки, наталивающие своимъ двусмысленнымъ участіемъ на

преступные замыслы безнравственныхъ женъ, и сваты, розыскивающіе для своихъ сыновей не женъ, а солидное приданое, и общество, такое же безучастное и грубое, какъ и сельскій народъ... И тамъ и здѣсь всѣ явленія зла совершаются по однимъ и тѣмъ-же причинамъ—общественной распущенности и жестокаго эгоизма. «Власть тьмы» широко охватила народную жизнь и, чтобы избавиться отъ нея, необходимо кореннымъ образомъ измѣнить условія нашей общественной, а затѣмъ уже и народной жизни, такъ какъ все зло, какъ гнойная муть, осаждается изъ верхнихъ слоевъ. Въ чемъ же должно заключаться это измѣненіе? Въ самомъ понятіи объ общественной жизни. Разсуждая строго, у насъ нѣтъ общественной жизни: возмутительное безучастіе всѣхъ и каждого въ отдѣльности къ дѣламъ народнымъ и самый утонченный эгоизмъ, разъединяющій членовъ общества, допускаютъ свободу дѣйствій всѣхъ проходимцевъ и прохвостовъ всѣхъ націй, которые безпрепятственно и нагло обираютъ довѣрчивый народъ, наполняя жизнь его всевозможными мерзостями. У насъ нѣтъ и общественнаго воспитанія; а тѣ семьи, которые желаютъ дать своимъ дѣтямъ честные и благотворные задатки нравственнаго развитія, принуждены замыкаться въ своемъ тѣсномъ семейномъ кругу, какъ въ осажденной крѣпости. Всѣ

усилія руководителей подобныхъ семействъ направлены къ тому, чтобы не допустить ворваться, въ ревниво охраняемую крѣпость добра и чести, тому безобразію жизни, для котораго не существуетъ ничего завѣтнаго, ничего святаго. Кому не извѣстны примѣры, что многія здоровыя семьи, не смотря на всѣ усилія свои предохранить юныхъ членовъ отъ зла и гибели, испытывали полнѣйшій погромъ. А мало-ли такихъ семействъ, въ которыхъ юные члены, испытавъ всю любовь и заботу своихъ отцовъ и матерей, при первомъ выходѣ въ жизнь совращались съ ясно указаннаго имъ пути и погибали въ омутѣ общественной жизни, будучи не въ состояніи бороться съ его необузданной силой. При такихъ условіяхъ жизни никто изъ родителей не можетъ быть увѣреннымъ, что общество не разрушитъ того, что они съ такою заботою и любовью созидали въ сердцахъ и мозгахъ своихъ чадъ. Развѣ это правильная общественная жизнь? Задача общества не разрушать добрыхъ свойства юности, а укрѣплять и дополнять ихъ своимъ благотворнымъ вліяніемъ, своимъ благороднымъ и безкорыстнымъ участіемъ къ положенію молодежи, часто весьма и весьма печальному. У насъ же, русскихъ, ничего этого не замѣчается: юношество гибнетъ милліонами подъ разнузданный хохотъ безучастной толпы, равнодушіе которой обдаётъ его

леденящимъ холодомъ и побуждаетъ многихъ, даже талантливыхъ людей, прибѣгать къ скорѣйшему расчету съ жизнью...

«А какъ-же быть то?» спросимъ мы словами Анютки.

Неужели-же и мы удовлетворимся отвѣтомъ: «А такъ и быть... Завернись съ головой и спи»...

Это было-бы слишкомъ ужасно! Стоить-ли жить при подобныхъ возрѣніяхъ на жизнь? «Помрешь — изъ счета вонъ». И такъ выхода нѣтъ. «Завернись съ головой и спи» — это высшее выраженіе идеи «о непротивленіи злу» въ ея дѣйствительномъ примѣненіи къ жизни. Пусть весь міръ въ бѣшенномъ разгулѣ обливается слезами и кровью, а послѣдователи Л. Н. Толстаго завернутся съ головой и станутъ мирно похрапывать подъ стоны и вопли собратьевъ.

Нѣтъ, это невозможно! Въ возрѣнія Толстаго вкралось роковое недоразумѣніе.

Онъ говоритъ: «мѣсто, которое для меня было ключемъ всего, было мѣсто изъ V гл. Мат. ст. 39. Вамъ сказано: око за око, зубъ за зубъ, — а я вамъ говорю: не противтись злу».

Нѣтъ. Въ Евангеліи слова Христа переданы такъ: «а я вамъ говорю: не противтись злему». Далѣе и самъ Л. Н. Толстой поясняетъ: «Вы слышали, что сказано древнимъ: око за око, зубъ за

зубъ... А я вамъ говорю: не противесь, или не сопротивляйтесь *злу* или *злему*».

Развѣ это одно и тоже — сопротивляться *злу* и сопротивляться *злему*? Это два совершенно различныхъ понятія, изъ которыхъ первое придумано Л. Н. Толстымъ, а второе выражено устами Богочеловѣка. Повторяемъ, если Христосъ сказалъ: «не протився *злему*», то этимъ онъ преподалъ людямъ правило кротости и любви къ ближнему, чтобы устранить причины вражды между ними. Но «не протився *злу*» — Онъ сказать не могъ, ибо и самъ Онъ явился въ міръ, что-бы сокрушить «духа тьмы» и уничтожить зло среди людей. Вся Его проповѣдь была направлена къ торжеству добра и къ поправленію зла и неправды, которымъ Божественный учитель противился какъ проявленію «власти духа тьмы». Онъ остался вѣренъ своимъ словамъ: людямъ Іисусъ не противился и безропотно принималъ отъ нихъ мученія и смерть, оправдавши истину святыхъ словъ своихъ — «не протився *злему*». Такое произвольное со стороны Л. Н. Толстаго измѣненіе слова «*злему*» на — «*зло*» совершенно искажаетъ смыслъ Христова ученія. Противиться «*злу*» не значитъ противиться насилію людей, что породило-бы еще большія насилія; но такъ какъ «*зло*» есть проявленіе не одного только насилія, но и другихъ свойствъ человѣческой при-

роды, вытекающихъ изъ несовершенствъ ея, то противиться «злу», въ этомъ случаѣ, значить способствовать совершенствованію человѣчества.

У кого-же повернется языкъ сказать: не дѣлай этого, а завернись съ головой и спи?.. Кто, зная удобный бродъ черезъ опасный потокъ, не укажетъ его путнику, а будетъ равнодушно смотрѣть на гибель послѣдняго, рискнувшего переправиться въ глубокомъ мѣстѣ? Кто не предостережетъ брата своего отъ насилія разбойника? Кто не укажетъ на зло, могущее произойти отъ умысла, небрежности или невѣденія ближняго въ дѣлахъ общественныхъ? Кто не раскроетъ ложь и кто утаитъ правду? Полагаемъ, что все это можетъ не исполнить кто нибудь иной, который и самъ бродитъ во тьмѣ, но не графъ Л. Н. Толстой: для такого горячаго послѣдователя Христова ученія, каковъ авторъ «Въ чемъ моя вѣра», сокрушить «власть тьмы», а вмѣстѣ съ нею и «зло», порождаемое ею въ жизни русскаго народа, было-бы величайшимъ подвигомъ истиннаго христіанина и патріота.

Къ несчастію это не легко: подвигъ этотъ не по силамъ одному, даже и такому человѣку какъ Л. Н. Толстой; для того, чтобы съ успѣхомъ совершить его, необходимо сочувствіе и усилія всего русскаго общества. Нужно, чтобы общество услышало предостерегающій возгласъ генія и пере-

стало-бы съ безуміемъ испуганныхъ барановъ метаться въ омутѣ, давить и топтать другъ друга. Народная жизнь—это таже стихія. Но какъ и всякая стихія подчиняется генію человѣческаго разума и, вмѣсто дикаго разрушенія, творить полезную работу, такъ и подчиненіе народной жизни генію человѣческаго разума, приведетъ къ обузданію силы всерастлѣвающей «власти тьмы».

XV.

Говорятъ, что «русское общество ощущаетъ сильную потребность изучить крестьянскій міръ *).

Въ чемъ именно выражается эта «сильная потребность»—Богъ вѣсть! Мы видимъ, что русское общество «изучаетъ» съ удивительнымъ рвеніемъ и настойчивостью разные способы легкой наживы, кратчайшіе пути къ служебной карьерѣ, игру въ винтъ, оперетку, канканъ и рестораны—все что хотите, только не «крестьянскій міръ». Изученіемъ этого презираемаго обществомъ «крестьянскаго міра» занимались и занимаются только немногіе истинно русскіе люди, во главѣ которыхъ въ данное время стоитъ Л. Н. Толстой. Этотъ могучій писатель дѣйствительно «ощущаетъ сильную

*) Новости № 135, 1887 г.

потребность изучить крестьянскій міръ» и изучаетъ его съ такою любовью, съ такою полнотою, съ какою до него еще никто не изучалъ. Въ этомъ случаѣ Л. Н. Толстой идетъ впереди всего русскаго общества, которое только едва можетъ поспѣвать за своимъ геніальнымъ вождемъ. Благодаря независимости матеріальной и могуществу таланта, авторъ драмы «Власть тьмы», Л. Н. Толстой, никогда не будетъ позабытъ или низведенъ на степень того бѣдственнаго существованія, до котораго были доведены, да и нынѣ доводятся, большинство русскихъ народниковъ. Эти труженики дѣйствительно «изучали» народную жизнь честно и добросовѣстно. Не преклоняясь слѣпо передъ народомъ, они изобразили намъ его жизнь, какъ съ художественной такъ и съ соціальной стороны. Все это добывалось путемъ непосредственнаго столкновенія съ народомъ.

Л. Н. Толстой и до сего времени живетъ съ народомъ, любя его самой искренней, братской любовью. Не смотря на это, онъ далъ русскому обществу замѣчательно безпристрастный и вѣрный отчетъ о «крестьянскомъ мірѣ» въ своей художественной драмѣ «Власть тьмы». Думается, что онъ написалъ этотъ ужасный отчетъ о народѣ со скорбью огорченнаго генія, а между тѣмъ, нѣкоторые, не понявъ смысла драмы, говорятъ, что

Л. Н. Толстой забрасываетъ русскаго мужика грязью. Это великая несправедливость къ истинно народному писателю. Скажемъ болѣе, Левъ Толстой и не касается даже въ своемъ произведеніи личности русскаго мужика, онъ изобразилъ только передъ русскимъ обществомъ тѣ ужасныя условія жизни, въ которыхъ роковая необходимость заставляетъ русскій народъ влачить свое жалкое существованіе. Какъ дважды два четыре доказалъ онъ намъ, что и крестьянинъ и крестьянка рождаются на свѣтъ божій съ задатками доброй и незлобивой души. Онъ художественно изобразилъ передъ нами роковое превращеніе симпатичныхъ, невинныхъ Анютокъ въ бездушныхъ и злодѣйствующихъ Матренъ. Онъ убѣдилъ насъ, что и взрослые люди въ средѣ простаго народа, уже искусившіеся въ злодѣяніяхъ, способны при благопріятныхъ условіяхъ къ искреннему раскаянію, а слѣдовательно и къ исправленію.

Онъ напомнилъ, что и само русское общество не чуждо тѣхъ-же золь и порывовъ, которые царятъ въ народѣ, и этимъ доказалъ, что какъ русскій народъ, такъ и русское общество живутъ по однимъ и тѣмъ-же нравственнымъ законамъ. Русскому обществу нужно сначала самому нравственно поочиститься и тогда уже вліять на народъ. Если общество уяснить свое собственное міросозерцаніе и

свои потребности, тогда будутъ понятны ему міросозерцаніе и потребности русскаго народа, ибо они одинаковы. Что-же это такое — «русское общество»? Это ничтожная часть «русскаго народа». Это мелкій заливъ, выгороженный изъ моря, и искусственно огражденный отъ бурь. Засорившійся и кипящій паразитами, онъ отравляетъ собою и обширно глубокое море. Во всякомъ случаѣ, обществу безъ народа не обойтись: только онъ дастъ необходимыя силы для духовнаго очищенія и роста общественнаго.

Передъ мужикомъ незачѣмъ падать ницъ, но не слѣдуетъ, вообще, забывать исторію. Сколько разъ, въ години великихъ испытаній, русскій народъ на своихъ плечахъ выносилъ все государство, а съ нимъ и то ничтожное «русское общество», которое въ страхъ и безсиліи, какъ запечные тараканы, разсыпалось по щелямъ. Въ то время, когда «русское общество», слабое духомъ и нравственностью, въ страхъ бѣжало отъ опасности и измѣннически передавалось самозванцамъ, — русскій народъ подавалъ примѣры геройства и величія. Всѣ, выпадавшіе на долю его, муки и страданія онъ переносилъ безропотно; случалось, что враги съ него кожу сдирали съ живаго, а онъ славилъ Бога и родину, умирая, но не измѣняя святымъ завѣтамъ ея. Левъ Толстой указалъ намъ причины, благо-

даря которымъ русскій народъ охватила «власть тьмы», вслѣдствіе чего невинныя дѣти, возрастая, превращаются въ бездушныхъ злодѣевъ. Изображеніемъ этой ужасной, но правдивой картины жизни онъ заставилъ «русское общество» подумать о томъ, чтобы найти способы не только невинную Анютку не допустить до нравственнаго паденія, но и самую Матрену поставить въ такія условія, чтобы она не могла злодѣйствовать.

Народныя бѣдствія и войны дали не мало примѣровъ величія русской души, которое удивляло весь міръ въ былые дни; но съ теченіемъ времени все это забывается и русскій народъ опять становится и дикимъ и пьянымъ и бессмысленно злодѣйствующимъ... Какая-же этому причина, что въ обыденной жизни личность русскаго человѣка изничтоживается? Отсутствіе нравственныхъ устоевъ и какое-то нелѣпое, животное существованіе...

Мы не знаемъ до сихъ поръ цѣны русскому народу. Его скромность, его незлопамятность, его деликатная непритязательность—все это даетъ только поводъ и роднымъ и иноземнымъ кулакамъ грабить мужика и надругаться надъ нимъ безъ конца. И стоитъ этотъ обладатель полуміра въ своемъ равномъ зипуншикѣ, въ истоптанныхъ лаптяхъ, скромно потупя взоръ и смущенно переминая жалкую шапченку въ рукахъ, точно виноватый и умоляю-

щій своихъ грабителей о состраданіи къ нему... И говорятъ еще, что Л. Н. Толстой бросилъ грязью въ этаго мужика. Это неправда.

XVI.

И такъ, врядъ ли кто станетъ оспаривать, что нравственный хаосъ царитъ не только въ жизни общественной, но и въ жизни народной. Ограниченность знаній, или полнѣйшее невѣжество, отсутствіе идеаловъ и общихъ интересовъ жизни, страхъ за свое личное существованіе, необузданный развратъ, всеобщій грабежъ и надувательство, а главное утрата вѣры въ лучшее будущее порождаютъ тоску и злодѣянія. Примѣръ являетъ общество — народъ заражается этимъ примѣромъ. Но эта зараза не погубитъ народа, ибо въ немъ таится много мудраго и добраго, свѣтлый источникъ чего загрязненъ обществомъ. Къ сожалѣнію, интеллигенція отшатнулась отъ народа и предоставила его на произволъ разнымъ живоглотамъ. Объ умственномъ и нравственномъ развитіи народа она почти не заботится. Изучаютъ народъ многіе, но изучаютъ какъ-то странно, рассматривая «мужичка» чуть не въ микроскопъ, словно букашку какую нибудь; только немногіе, и во главѣ ихъ Л. Н. Толстой, видятъ въ мужикѣ такого-же человѣка, какъ и они сами. Этно-

графическіе очерки даютъ намъ понятіе лишь о внѣшней сторонѣ жизни народа, — Л. Н. Толстой изображаетъ душу его. Стремленіе этого могучаго писателя, вліять на массы народныя живымъ и любовнымъ словомъ, достойно полного подражанія со стороны всего интеллигентнаго русскаго общества. Необходимо только сообразоваться съ требованіями здраваго смысла: все, что носитъ на себѣ оттѣнокъ чертовщины и придуманныхъ чудесъ, должно быть изгнано изъ воспитательно-народной литературы; а такіе рассказы какъ «Первый винокуръ» и ему подобныя не должны быть допускаемы въ народъ какъ фантастическій вздоръ, порождающій въ народѣ превратныя понятія о жизни и обязанностяхъ человѣка. Народу необходимы истинныя знанія о природѣ и человѣкѣ и чѣмъ болѣе онъ ихъ усвоитъ, тѣмъ онъ менѣе будетъ грубъ и невѣжественъ; близость къ природѣ дѣлаетъ сельскій народъ болѣе податливымъ къ нравственному совершенствованію, чѣмъ городского жителя, ибо сама природа смягчаетъ его. Научить народъ понимать окружающую его природу, значитъ научить его читать раскрытую передъ нимъ книгу. Общество само по себѣ не можетъ установить правильнаго взгляда на народную жизнь: ему, какъ для арміи искусные полководцы, нужны талантливые руководители, въ лицѣ его лучшихъ писателей и ученыхъ. Они первые

будятъ вниманіе общества, указываютъ на причины зла и на способы его уничтоженія. Общество должно серьезно прислушиваться къ ихъ честнымъ голосамъ и не бросать въ нихъ грязью, ради своихъ грошевыхъ интересовъ. Эти люди добра и правды иногда заблуждаются, но никто болѣе ихъ не жаждетъ напасть на истинный путь. Изучая народъ, они разясняютъ причины, порождающія въ средѣ его зло и угнетающія добро. Задача общества уничтожать первыя и дать широкій просторъ для развитія добра. Школа и церковь, съ ея Евангельской проповѣдью, никогда не должны расходиться съ жизнью народа, ибо только въ этомъ случаѣ они будутъ благотворно вліять на него. Зло въ народѣ коренится не глубоко, такъ какъ и самые ужасные преступники часто удивляютъ, при случаѣ, примѣрами великодушія и очистительныхъ жертвъ. Это доказываетъ, что въ душѣ ихъ хранится добро, ожидая только случая проявить себя. Умѣнье вызывать въ народѣ добрыя чувства—вотъ задача образованнаго русскаго общества. Говорить только о благѣ народа и обѣщать на словахъ: «если въ этомъ представится надобность, положить за него душу»—мало, нужно дѣйствительно помогать ему въ его нравственномъ ростѣ, ибо въ этомъ уже давнымъ давно представляется надобность. Народъ грабятъ и развращаютъ разные проходимцы и живо-

глоты, а всѣ честные и порядочные люди спѣшуть уединиться, представляя, такимъ образомъ, примѣръ постыднѣйшаго эгоизма. Кулаки, и особенно кулаки интеллигентные, озлобляютъ народъ. Всеобщій грабёжъ мужика пріучилъ и его относиться къ жизни и имуществу ближняго по звѣриному. Что сѣетъ общество, то оно и пожинаетъ. Экономическія условія прибавляютъ зла къ общественной и народной жизни. Необходимо упорядочить народное хозяйство, чтобы дать народу просторъ для труда. Съ распространеніемъ полезныхъ знаній это явится само собой. Невѣжество народа парализуетъ его предпримчивость. Всѣ талантливые народные писатели, съ Л. Н. Толстымъ во главѣ, какъ въ зеркалѣ отражаютъ передъ обществомъ ужасы народной жизни и достаточно ясно указываютъ на причины зла и неурядицы; но измѣнить условія они не въ силахъ—это дѣло общества, если только оно действительно русское общество и дорожить «величіемъ и процвѣтаніемъ Россіи». Кто-то выразилъ мнѣніе, что Левъ Толстой, написавши «власть тьмы», имѣлъ въ виду показать растлѣвающее вліяніе западно-европейской культуры на народную жизнь. Какой это культуры? Если кафешантанной, кабацкой, то это вѣрно. Врядъ ли онъ имѣлъ въ виду культуру благодѣтельнаго знанія, противъ которой онъ прежде такъ возставалъ, въ сказкѣ «Иванъ

дуракъ», напริมѣръ. Теперь же Л. Н. Толстой и Митрича заставилъ задать вопросъ: «Кто васъ учить». Да и самъ отвѣтилъ Тифлисскимъ барынямъ, какъ имъ употребить праздное время на пользу народа. Нельзя не порадоваться этому повороту въ убѣжденіяхъ великаго писателя: теперь и онъ за то, чтобы учить народъ уму разуму. «Власть тьмы» даетъ надежду, что авторъ ея измѣнитъ также и свой взглядъ на идею о «непротивленіи *злу*; стоитъ только измѣнить словечко *злу* на *злому*. Тогда это будетъ понятно и вполнѣ согласно съ заповѣдью Христа. Со зломъ необходимо бороться, что-бы просвѣтить народъ и вырвать его изъ «власти тьмы»; въ противномъ случаѣ наступитъ царство Матрены. Что тогда-то мы будемъ дѣлать? Неужели, укроемся съ головой и будемъ стараться уснуть?..

Нѣтъ, такъ жить нельзя!
